

Заклятие сатаны. Хроники текучего общества

Автор:

Умберто Эко

Заклятие сатаны. Хроники текучего общества

Умберто Эко

Умберто Эко (1932–2016) – самый знаменитый итальянский писатель нашего времени, автор мировых бестселлеров «Имя розы» и «Маятник Фуко», историк-медиевист, специалист по семиотике, филолог и историк культуры, лауреат самых престижных премий, чьи книги переведены на сорок языков.

«Заклятие сатаны. Хроники текучего общества» – сборник заметок, публиковавшихся автором в миланском журнале L'Espresso с 2000 по 2015 год, на разнообразные актуальные темы современной политики, философии, религии, массмедиа и книжной культуры в контексте нынешней социальной ситуации, характеризующейся кризисом идеологий и политических позиций. «Заклятие сатаны» – последняя книга Умберто Эко, подготовленная к печати им самим, – является своего рода продолжением «Картонок Минервы».

Умберто Эко

Заклятие сатаны. Хроники текучего общества

Вступление

Я начал вести колонку «Картонок Минервы» в журнале L'Espresso в 1986 году – долгое время я писал ее еженедельно, затем раз в две недели. Как я напоминал

в начале читателям, если открыть пачку спичек «Минерва», то получается разворот из двух белых картонок для заметок – к тому же я воспринимал эти свои записки как краткие примечания или реплики в сторону по поводу разных вещей, приходивших мне в голову: как правило, на злобу дня, но не обязательно, поскольку для меня бывало достаточно злободневно, если как-нибудь вечером мне приспичило перечитать, скажем, страницу из Геродота, сказку братьев Гримм или комикс про Железную Руку.

Многие из «картонок» я включил в свой «Второй немногословный дневник», вышедший в 1992 году, приличное их количество было напечатано в сборнике «Картонки Минервы», куда вошли эссе, опубликованные до начала 2000 года, некоторые я в 2006 году использовал в сборнике «Полный назад!». Но с 2000 по 2015 год, если считать по двадцать шесть «картонок» в год, я написал четыреста с лишним «картонок», и мне показалось, что некоторые из них вполне можно издать.

Пожалуй, все (или почти все) «картонки», собранные в этой книге, можно считать размышлениями по поводу различных аспектов нынешнего «текущего общества», о котором я говорил в одной из недавних «картонок» – она-то и открывает этот сборник.

Хотя большую часть повторов я убрал, кое-какие, возможно, остались – дело в том, что некоторые явления в эти пятнадцать лет повторялись с пугающей регулярностью, заставляя меня настойчиво возвращаться к темам, сохраняющим удручающую актуальность.

Пара слов по поводу заглавия. Цитата, само собой, из Данте (*Pape Sat?n, pape Sat?n aleppe*, «Ад», VII, 1), но, хотя, как известно, полчища комментаторов бились над раскрытием смысла этого стиха, большинство пришло к выводу, что у него нет определенного значения. В любом случае эти слова, звучащие из уст Плутона, приводят в замешательство и заставляют предполагать всякую чертовщину. В связи с этим мне показалось уместным вынести их в заглавие книги, которая – не столько по моей вине, сколько по вине нашего времени – вышла бессвязной и скачет, как сказали бы французы, с петуха на осла, отражая текучую природу последних пятнадцати лет.

Текущее общество

Концепцией «текучей» современности или «текучего» общества мы обязаны, как известно, Зигмунту Бауману. Желаясь разобраться с тем, что из нее следует, может пригодиться книга «Состояние кризиса» (Einaudi, 2015)[1 - Зигмунт Бауман (1925–2017) – британский социолог польского происхождения. Оригинальное издание: Bauman Z. State of crisis. Polity, 2014. См. также русский перевод: Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. (Здесь и далее – примечания переводчиков и редактора.)], где Бауман и Карло Бордони[2 - Карло Бордони (р. 1946) – итальянский социолог.] обсуждают эту и другие проблемы.

Черты текучего общества начинают вырисовываться в нынешнюю эпоху, называемую постмодерном (это, впрочем, зонтичный термин, под которым с большим или меньшим основанием толкуются самые разные явления, от архитектуры до литературы и философии). Постмодернизм обозначил собой кризис «больших нарративов», полагавших, будто они могут подогнуть весь мир под свой шаблон, и занимался исключительно переосмыслением прошлого в игровом или ироническом ключе, что во многом роднило его с нигилистическими настроениями. Но по мнению Бордони, сейчас и постмодернизм идет на убыль. Это было временное явление, мы проскочили его, сами того не заметив, и когда-нибудь его станут изучать, как сейчас изучают предромантизм. Его задачей было указать на происходящие изменения, постмодернизм стал своего рода переправой от модернизма к еще не поименованному настоящему.

Одной из характерных черт этого зарождающегося настоящего, по мнению Баумана, является кризис Государства (какая мера самостоятельности остается у национальных государств по сравнению с возможностями наднациональных сообществ?). Исчезает институт, гарантировавший индивидуумам возможность единообразного решения различных проблем нашего времени, и вот с его кризисом мы получаем кризис идеологий, а стало быть, и партий, и вообще всего того, что обращается к общности ценностей, которая позволяла индивидууму ощущать себя частью чего-то, выражающего его чаяния.

На фоне кризиса общности на первый план выступает оголтелый индивидуализм, когда никто никому больше не попутчик, а лишь соперник, которого лучше остерегаться. Этот «субъективизм» подорвал основы современного общества, ослабил его, так что в результате в отсутствие каких-либо ориентиров все расплывается и растекается. Теряется незыблемость права (судебная система воспринимается как нечто враждебное), и единственное, что остается человеку, лишенному ориентиров, – это демонстрация себя любой

ценой, «демонстрация себя» как ценность (явления, которые я нередко затрагивал в «Картонках Минервы»), да еще потребление. И это не такое потребление, что стремится к обладанию объектом желания и им удовлетворяется, – нет, полученный объект тут же обесценивается, как устаревший, и человек мечется от одной покупки к другой, охваченный какой-то бесцельной булимией (новый мобильный почти ничем не отличается от старого, но старый отправляется прямиком в утиль во имя участия в этой оргии желаний).

Кризис идеологий и партий: кто-то сказал, что партии сейчас – это такси, куда садятся вождь или вожак, контролирующие голоса избирателей, непринужденно выбирая себе авто в соответствии с предоставляемыми возможностями, так что циников-оппортунистов теперь даже можно понять и не слишком ими возмущаться. Не только отдельные личности, но и общество в целом включено в процесс непрерывного обесценивания всего.

Что можно противопоставить этому разжижению? Пока неизвестно, и такое междущарствие продлится довольно долго. Бауман отмечает, как (с утратой веры в спасение, грядущее свыше – от государства или от революции) типичной приметой междущарствия становятся движения протеста. Эти движения знают, чего не хотят, но чего хотят – не знают. И хотелось бы напомнить, что одна из проблем, с которой столкнулись органы правопорядка в связи с «черноблочниками», состоит в том, что, в отличие от прежних анархистов, фашистов или «Красных бригад»[3 - «Красные бригады» (итал. *Brigate Rosse*) – подпольная леворадикальная террористическая организация, действовавшая в Италии в 1970–80-х годах.], их невозможно четко обозначить. Они действуют, но когда и куда их занесет – не знает никто. Даже они сами.

Есть ли способ пережить эту текучесть? Есть, и для этого надо окончательно признать, что мы живем в текучем обществе и для того, чтобы понять его и, возможно, преодолеть, понадобятся новые инструменты. Беда, однако, в том, что политики и подавляющая часть интеллигенции еще не осознали весь масштаб этого явления. Бауман остается покамест «гласом вопиющего в пустыне».

Полный назад!

Свободомыслящие католики и неверующие ханжи

Когда речь идет о великих духовных преобразованиях, ознаменовавших конец XX века, всегда упоминается кризис классических идеологий, который смешал традиционные различия между правым и левым политическими движениями. Так оно и есть. Однако стоит задаться вопросом, явилось ли падение Берлинской стены причиной этого коллапса или стало одним из его последствий.

Возьмем науку: там предполагалась нейтральная идеология, идеал прогресса, общий как для либералов, так и для социалистов (менялось только представление о том, как управлять этим прогрессом, в пользу кого, превосходный пример – «Манифест Коммунистической партии» 1848 года, панегирик достижениям капитализма, завершающийся примерно так: «теперь мы тоже хотим все это»). Существовал прогрессист, который верил в развитие технологий, и реакционер, который выступал за возвращение к Традиции, к первоизданной Природе. Случаи «революции назад», типа луддитов, ломающих станки, были лишь незначительными эпизодами. Они никак не влияли на четкое разделение двух направлений.

Это деление дало трещину в шестьдесят восьмом, когда перемешались убежденные сталинисты и дети цветов, операисты[4 - Операизм – разновидность марксизма, течение итальянской мысли шестидесятых годов XX века. Оспаривая традиционную марксистскую ценность «освобожденного труда», операисты считали, что общество неотчужденного, свободного труда невозможно в рамках индустриального конвейера (фордизма). Фордизм должен уступить место обществу, основанному на приоритете информационных технологий. Для того чтобы вынудить капитал развить новые технологии, необходимо отказываться от работы в рамках фордизма. Лозунгом того времени стало «Меньше работы, больше оплаты!», ожидающие, что с развитием автоматизации производства будет меньше работы, и пророки освобождения посредством наркотиков дона Хуана[5 - Речь идет о работе Карлоса Кастанеды «Учение дона Хуана: Путь познания индейцев племени яки», опубликованной в 1968 году. Дон Хуан использовал психотропные и галлюциногенные растения в качестве помощи при

обучении.]. Все окончательно рассыпалось в тот момент, когда популизм по типу стран третьего мира[6 - В странах «третьего мира» популистские режимы получили в XX веке широкое распространение. Популизм часто выступал разновидностью национал-реформизма, направленного на решение проблем экономической модернизации при отсутствии либо слабости механизмов парламентской демократии (Бразилия, Аргентина, Египет, Гана и другие).] стал общим флагом как для крайних левых, так и для крайних правых, и теперь мы оказались перед лицом движений типа «битвы в Сиэтле»[7 - «Битва в Сиэтле» стала первым проявлением антиглобализма в США в декабре 1999 года. Массовая акция протеста была связана с прохождением конференции ВТО в городе Сиэтл и направлена против политики экономической глобализации. Эта антиглобалистская акция вызвала по-настоящему большой резонанс в обществе и спровоцировала демонстрации во многих странах. С этого момента по всему миру начинают формироваться антиглобалистские движения и организации.], где встречаются неолуддиты, радикальные защитники окружающей среды, экс-операисты, люмпены и яркие звезды, отвергающие клонирование, бигмаки, генную инженерию и ядерную энергию.

Не меньшие изменения произошли в противостоянии церковного и светского мира. Тысячелетиями с религиозным духом связывалось недоверие к прогрессу, отказ от всего мирского, бескомпромиссный догматизм; и, наоборот, для мира светского был характерен оптимистичный взгляд на преобразование природы, гибкость этических принципов, принятие «иных» религиозных вероучений и открытость вольнодумству.

Конечно, у верующих всегда была тяга к «земной реальности», к истории как пути искупления (вспомним Тейяра де Шардена[8 - Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955) – французский католический философ и богослов.]), но и светских «апокалиптиков» тоже хватало – антиутопии Оруэлла и Хаксли[9 - Джордж Оруэлл (1903–1950) – британский писатель и публицист. Наиболее известен как автор культового антиутопического романа «1984» и повести «Скотный двор»; Олдос Леонард Хаксли (1894–1963) – английский писатель, новеллист и философ. Автор известного романа-антиутопии «О дивный новый мир».] или научная фантастика, рисующая ужасное будущее, в котором все подчинено чудовищной научной рациональности. Но в конечном счете религиозной проповеди полагалось напоминать нам о финальном моменте и о том, что нас ожидает согласно христианской эсхатологии, а светской – возносить хвалу паровозу.

Недавняя встреча paraboys[10 - Paraboy – неологизм, используемый для определения молодых людей, участвующих в религиозных мероприятиях, на которых присутствует папа. Термин был придуман итальянскими СМИ летом 2000 года в связи с проведением в Риме Всемирного дня молодежи (итал. Giornata mondiale della gioventù), католического съезда, имеющего праздничный характер и ориентированного на молодых людей со всего мира, независимо от их вероисповедания.] демонстрирует нам завершающий момент преобразований, начатых Войтылой[11 - Иоанн Павел II (до интронизации Кароль Юзеф Войтыла, 1920–2005) – папа римский, драматург, поэт, педагог. Канонизирован 27 апреля 2014 года.]: есть масса верующей молодежи, но, судя по их ответам, данным в эти дни интервьюерам, они очень далеки от фундаменталистского невроза. Они готовы пойти на мировую, когда речь идет о добрых отношениях, противозачаточных средствах, некоторые из них вполне толерантны к наркотикам, и никто не возражает против дискотек; тогда как светский мир оплакивает акустическое загрязнение, дух New Age[12 - New Age (англ. буквально «новая эра») – общее название совокупности мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера. Отличается от традиционных религиозных движений тем, что не представлен каким-то одним определенным духовным учением или религиозным воззрением (сектой, общиной, традицией, школой), а включает в себя множество (иногда на практике очень мало совместимых) различных учений, практик и концепций. Нередко позиционирует свои учения не как религиозные, а как культурологические, оздоровительные, просветительские, образовательные или спортивные.], на который возлагается надежда в объединении неореволюционеров, последователей монсиньора Милинго[13 - Монсиньор Эммануэль Милинго (р. 1930) – католический архиепископ из Лусаки (Замбия), прославившийся своими сомнительными достижениями в области врачевания и изгнания бесов. В 2001 году официально перешел в секту преподобного Муна и в мае того же года сочетался браком с сектанткой Марией Сунг. Был лишен сана, что не помешало ему претендовать на совершение таинств, а в 2006 году монсиньор Милинго даже произвел в епископы четырех священников, причем женатых.] и сибаритов, пристрастившихся к восточному массажу.

Это только начало, то ли еще будет.

Много ли мы наизобретали?

Видимо, это сообщение появилось в интернете. Не знаю, где именно, поскольку я получил его по электронной почте. Коммерческий спам, предлагающий новинку – Built-in Orderly Organized Knowledge[14 - Встроенное упорядоченно-организованное устройство знаний (англ.)], сокращенно – BOOK, то есть книга.

Никаких проводов и батареек, никаких микросхем, выключателей и кнопок. Компактное портативное устройство, его можно использовать, даже сидя у камелька. Представляет собой ряд пронумерованных листов (вторсырье), каждый из которых содержит тысячи бит информации. Эти листы удерживаются вместе в правильной последовательности с помощью элегантного футляра, называемого переплетом.

Каждая страница оптически сканируется, и информация заносится прямо в мозг. Предусмотрена команда browse[15 - Пролистать, просмотреть (англ.)], позволяющая переходить от одной страницы к другой, как вперед, так и назад, одним движением пальца. Функция, называемая «содержание», позволяет мгновенно найти желаемое место на нужной странице. Можно приобрести дополнительное устройство под названием «закладка»: оно дает возможность вернуться туда, где вы остановились, даже если BOOK был закрыт. Далее описываются дополнительные характеристики этой потрясающей инновации, а также объявляется, что поступил в продажу Portable Erasable-Nib Cryptic Intercommunication Language Stylus[16 - Портативное приспособление для кратких личных записей с возможностью их стирания (англ.)], PENCIL (то есть карандаш). Перед нами не просто прекрасная шутка. Это также ответ на многочисленные тревожные рассуждения, что с развитием компьютеров книге, возможно, придет конец.

Существует много предметов, которые после изобретения не подлежат дальнейшему улучшению, как, например, стакан, ложка, молоток. Когда Филипп Старк[17 - Филипп Старк (р. 1949) – известный французский промышленный дизайнер, дизайнер интерьеров и потребительских товаров серийного производства.] захотел изменить форму ручной соковыжималки, он произвел на свет изумительный объект, в котором, однако, семечки падают в стакан. В то время как классическая соковыжималка удерживает их вместе с мякотью. Не так давно я разозлился на лекции потому, что дорогущее электронное устройство плохо проецирует фотографии: старый диапроектор, не говоря уж

про древний эпидиаскоп, показывал их куда лучше.

В конце XX века уместно спросить себя, действительно ли за эти сто лет мы изобрели много нового. Ведь все предметы, которыми мы пользуемся в повседневной жизни, появились еще в XIX веке. Назову лишь некоторые: поезд (но паровая машина появилась веком раньше), автомобиль (с сопутствующей индустрией нефтепереработки), пароходы с гребным винтом, сооружения из железобетона и небоскребы, подводная лодка и метрополитен, динамо-машина, турбина, работающий на солярке дизель, аэроплан (решающий эксперимент братьев Райт случится через три года после конца века), пишущая машинка, граммофон, диктофон, швейная машинка, холодильник и консервы, пастеризованное молоко, зажигалка (и сигарета), цилиндрический замок Йейла, лифт, стиральная машина, электроутюг, авторучка, ластик, промокашка, марка, пневматическая почта, унитаз, электрический звонок, вентилятор, пылесос (1901), безопасная бритва, диван-кровать, парикмахерское кресло и вращающийся офисный стул, спички простые и охотничьи, непромокаемый плащ, застежка-молния, английская булавка, газированные напитки, велосипед с надувной камерой, стальными спицами и цепной передачей, автобус и электрический трамвай, монорельс, целлофан, целлулоид, искусственные ткани, универмаги, чтобы продавать все это, и, если позволите, электрическое освещение, телефон, телеграф, радио, фотография и кинематограф. Бэббидж[18 - Чарлз Бэббидж (1791–1871) – английский математик, изобретатель первой аналитической вычислительной машины.] изобрел вычислительную машину, способную делать шестьдесят шесть операций в минуту, и вот мы уже на пути к компьютеру.

Конечно, наш век дал нам электронику, пенициллин и другие лекарства, удлинившие нашу жизнь, пластмассу, ядерный синтез, телевидение и полеты в космос. Возможно, я что-то упустил, но верно и то, что сегодня самые дорогие часы и авторучки стремятся воспроизвести классические модели столетней давности, а в какой-то из предыдущих «картонок» я уже говорил, что последнее усовершенствование в области коммуникации – то есть интернет – показывает превосходство проводного телеграфа над беспроводным, изобретенным Маркони, или, иными словами, означает возврат от радио к телефону.

По крайней мере два характерных изобретения нашего века, пластмассу и ядерный синтез, сейчас стараются «разыскать» обратно, потому что стало заметно, как они отравляют планету. Прогресс не обязательно состоит в том, чтобы идти вперед любой ценой. Я попросил вернуть мне мой диапроектор.

Полный назад!

В одной из «картонок» я заметил, что мы наблюдаем интересный технологический регресс. Прежде всего, под контроль поставлено назойливое воздействие телевизора благодаря изобретению пульта дистанционного управления, позволяющего зрителю переключать каналы, не вставая с дивана, и таким образом обрести творческую свободу, называемую «фазой Blob»[19 - BLOB (англ. пятно, капля) – сатирическая программа на итальянском телевидении, выходит с 1989 года. Представляет собой иронически-саркастический монтаж из телевизионных сюжетов и любительских видеороликов. Анджело Гульельми, создатель программы, связывает ее название с американским фильмом ужасов «Капля» (The Blob).]. Окончательное освобождение от телевидения дал видеомэгнитофон, воплотивший движение к кинематографу. Кроме того, с помощью пульта дистанционного управления можно выключить звук, возвращаясь к роскоши немого кино. Кстати, интернет, навязывая откровенно буквенную коммуникацию, ликвидировал угрозу «цивилизации картинок». В сущности, можно вообще убрать изображения, придумав какой-то ящик, который издает лишь звуки и не требует даже пульта дистанционного управления. Я-то хотел пошутить, намекая на изобретение радио, но (очевидно, по какой-то высшей воле) предсказал появление iPod.

Наконец, телетрансляция посредством pay-TV[20 - Pay-TV (англ. платное телевидение) – телевизионные каналы и услуги, за пользование которыми взимается плата.] положила начало новой эры передачи информации через телефонный кабель, ознаменовав переход от беспроводной телеграфии к телефонии с проводами. Эта последняя стадия завершилась появлением интернета: обойдя Маркони, мы вернулись к Меуччи[21 - Гульельмо Маркони (1874–1937) – итальянский радиотехник и предприниматель, известный всему миру благодаря своим изобретениям в области беспроводной связи. Считается одним из изобретателей радио. Лауреат Нобелевской премии по физике за 1909 год; Антонио Меуччи (1808–1889) – итальянский ученый, изобретатель телефона.].

Я развил теорию движения в обратном направлении в своей книге «Полный назад!»[22 - См.: Умберто Эко. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / Пер. с итал. Е. Костюкович. – М.: Эксмо, 2007.], где применил эти принципы и к политической жизни (впрочем, в недавней своей «картонке» я также заметил, что мы возвращаемся к ночи 1944 года: военные патрули на улицах, дети и учителя в форме). Но и это еще не все.

Каждый, кто задумался о покупке нового компьютера (они устаревают за три года), заметил, что сегодня в продаже можно найти лишь те, на которых установлена операционная система Windows Vista[23 - Windows Vista – операционная система семейства Windows NT корпорации Microsoft. Выпущена 30 января 2007 года. Предшественником была Windows XP, а следующей ОС в линейке – Windows 7.]. Достаточно почитать в интернете, что думают пользователи о Vista (не буду пересказывать, боюсь, вызовут в суд), и послушать друзей, попавших в эту ловушку, чтобы тебе расхотелось (может, и ошибочно, но ты непоколебим) покупать компьютер с Vista. Однако, если тебе нужен более-менее современный компьютер, придется терпеть Vista. Или довольствоваться клоном, огромным, как фура, в сборке прилежного продавца, который все еще устанавливает Windows XP и более ранние версии. И тогда ваш рабочий стол будет напоминать лабораторию Olivetti с компьютером Elea 1959 года[24 - Elea 9003 – первая ЭВМ, выпущенная в 1959 году в Италии компанией Оливетти (Olivetti), крупнейшим производителем офисной техники.].

Полагаю, производители компьютеров заметили, что продажи значительно снижаются, потому что пользователь, не желающий Vista, отказывается приобретать новый компьютер. И что произошло? Попробуйте набрать в поисковике Vista downgrading[25 - Даунгрейд (англ.) – использование старого аппаратного или программного обеспечения. Выступает в противовес апгрейду (модернизации устройства). Также даунгрейд может рассматриваться как переход на более ранние версии аппаратного или программного обеспечения, например из-за наличия в новых версиях ошибок или из-за того, что старые версии удобнее и быстрее работают.] или нечто подобное. Вам объяснят, что, если вы купили новый компьютер с операционной системой Vista, заплатив за него соответствующую сумму, вам придется выложить еще немного денег (но не просто так, а пройдя определенную процедуру, которую я не осилил), и после череды приключений вы вновь обретете возможность пользоваться версией Windows XP или ей предшествующими.

Те, кто использует компьютеры, знают, что такое upgrading. Это то, что позволяет тебе обновить программное обеспечение вплоть до последней версии. Соответственно, downgrading – это возможность вернуть твой продвинутый компьютер к блаженным возможностям старых программ. За деньги. До того как в интернете появился этот красивый неологизм, в обычном англо-итальянском словаре можно было найти слово downgrade, которое в качестве существительного переводится как упадок, снижение или сокращенная версия, а в качестве глагола означает отступать, уменьшать, упрощать и ухудшать. Так что нам предлагается возможность, проделав большую работу и выложив определенную сумму, затем ухудшить и упростить то, за что мы уже сполна заплатили. Невероятно, но факт (на эту тему остроумно высказался Джампаоло Прони в электронном журнале Golem L'indispensabile[26 - Джампаоло Прони (р. 1955) – итальянский философ, преподаватель семиотики в Болонском университете. Оригинальный электронный журнал Golem L'indispensabile (Голем – Насущное) основали в 1996 году Умберто Эко, Джанни Риотта и Данко Зингер. См.: www.golemindispensabile.it (дата обращения: июнь 2018 года).]), и сотни бедолаг работают как проклятые, отдавая свои деньги за то, чтобы ухудшить себе программное обеспечение. Достигнем ли мы той стадии, когда за умеренную плату наш компьютер можно будет превратить в тетрадь, чернильницу и перьевую ручку?

Но дело не только в парадоксе. Существуют достижения технического прогресса, превзойти которые невозможно. Бессмысленно изобретать механическую ложку – та, которую придумали две тысячи лет назад, все еще нормально работает. Отказались же от «Конкордов»[27 - «Конкорд» (фр. Concorde) – британо-французский сверхзвуковой пассажирский самолет, находившийся в коммерческой эксплуатации с 1976 года. 25 июля 2000 года при вылете из парижского аэропорта «Шарль де Голль» разбился самолет, совершавший рейс Париж – Нью-Йорк, погибло сто тринадцать человек. С 2003 года полеты «Конкордов» были прекращены.], а они преодолевали расстояние между Парижем и Нью-Йорком за три часа. Не уверен, что это было правильное решение, но прогресс может также означать два шага назад, как, например, возврат к использованию энергии ветра вместо нефти и тому подобное. Устремимся же в будущее! Полный назад!

Рождаюсь снова, рождаюсь заново, в тысяча девятьсот сороковом

Жизнь – не что иное, как тихая память о детстве. Согласен. Но спустя время в наших воспоминаниях окрашиваются в приятные тона и те моменты, которые тогда казались тебе горестными. Например, тот день, когда ты соскользнул в канаву, подвернул ногу и был вынужден две недели сидеть дома в самодельном гипсе из марли, смоченной в яичном белке. Лично я с нежностью вспоминаю ночи, проведенные в бомбоубежище: нас будили глубокой ночью, тащили в одной пижаме и накинутом сверху пальто в сырой бетонный подвал, освещенный тусклой лампой, и мы играли в догонялки, в то время как над нашими головами слышались глухие разрывы – то ли бомб, то ли зенитной артиллерии. Наши мамы дрожали от холода и страха, но для нас это было необычное приключение. Вот что такое ностальгия. Поэтому мы готовы принять все, что напоминает нам об ужасных сороковых, и это дань, которую мы платим нашей старости.

Какими были города в то время? Темными по ночам, когда светомаскировка вынуждала редких прохожих использовать фонарики не на батарейках, а на динамо-генераторе, как велосипедный, который заряжался фрикционной передачей, для чего приходилось судорожно нажимать рукой на своеобразный курок. Но позднее был введен комендантский час, и на улицу выходить стало нельзя.

Днем город патрулировался военными, по крайней мере до 1943 года, пока здесь были расквартированы войска итальянской Королевской армии, и наиболее усиленно – во времена республики Сало[28 - Республика Сало или Итальянская социальная республика (итал. Repubblica Sociale Italiana) – марионеточное государство, образованное в сентябре 1943 года на оккупированной Германией территории Северной (и частично Центральной) Италии. Просуществовала до 25 апреля 1945 года, когда капитулировали остатки немецких войск на территории Италии.]. И если в городах постоянно ходили небольшие отряды солдат и морские патрули Сан-Марко или «черные бригады»[29 - Сан-Марко (итал. Reggimento «San Marco») – воинская часть морской пехоты ВМС Италии, официально учрежденная в 1919 году; черные бригады (итал. Brigade Nere) – фашистские военизированные формирования, которые действовали на севере Италии с 1943 года до конца Второй мировой войны в период существования Итальянской социальной республики.], в деревнях можно было легко встретить партизан, и те и другие были вооружены до зубов. В городе, находящемся на военном положении, в определенных

обстоятельствах запрещались собрания, мелькали еще толпы сторонников «Балиллы» и «Маленьких итальянок» в униформе[30 - «Балилла» (итал. Opera Nazionale Balilla, ONB) – фашистская молодежная организация, существовавшая в Италии в 1926–1937 годах. Название происходит от прозвища Джована Баттисты Перассо, мальчика из Генуи, который в 1746 году бросил камень в австрийского солдата и этим начал восстание против австрийских войск, оккупировавших город. Образ Перассо использовался фашистской пропагандой как пример патриотического поведения для итальянских детей. «Маленькая итальянка» (итал. Piccola Italiana) – детская организация в период фашизма, куда входили девочки в возрасте от восьми до четырнадцати лет.] и школьников в черных халатах – они учились до полудня, в то время как их матери пытались купить то небольшое, что еще можно было найти в продуктовых магазинах. И если ты хотел хлеба – я уж не говорю о белом, хотя бы съедобного, не из опилок, – ты должен был отдать за него приличную сумму на черном рынке. Свет в домах был тусклый, а отопление ограничивалось только кухней. На ночь клали в постель горячий кирпич, и я вспоминаю с нежностью даже обморожения. Замечу, что сейчас все это возвращается, – конечно, не в полном объеме. Но я улавливаю его аромат. Прежде всего, есть фашисты в правительстве. Не только они, и, может, не совсем фашисты, но это неважно, известно, что история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй – в виде фарса. Зато в те времена на стенах висели плакаты, на которых отвратительный чернокожий американец (к тому же пьяный) тянулся скрюченной рукой к белой Венере Милосской. Сегодня я вижу по телевизору суровые лица изможденных негров, которые тысячами вторгаются в наши земли, и, честно говоря, окружающие меня люди напуганы куда больше, чем тогда.

Возвращается в школы черный халат[31 - Во многих начальных школах в Италии ученики обязаны носить в качестве школьной формы черный халат (девочки) и укороченный халат (мальчики), часто дополняемый белым воротничком.], и я ничего не имею против. Это куда лучше, чем модная футболка хулигана, да вдобавок я ощущаю во рту вкус пирожных *madeleine*, смоченных в настойке из липового цвета[32 - Аллюзия на роман Марселя Пруста «В сторону Свана».], и вслед за Гоццано[33 - Гоццано Гвидо (1883–1916) – один из крупнейших итальянских лириков XX века. Возглавлял поэтическую группировку, иронически названную *serpuscolari* (сумеречники), из среды которой вышли такие поэты, как Марино Моретти и Фаусто Мартини. В своих произведениях анализирует подсознательное и всплывающие в нем потоки ассоциаций, подобно тому как это делал в прозе Марсель Пруст.] мне хочется повторить «рождаюсь снова, рождаюсь заново, в тысяча девятьсот сороковом». Только что прочитал в газете, что мэр города Новара, сторонник партии «Лига Севера», запретил собираться

по ночам в парке группам более трех человек. Трепетно, как у Пруста, жду возвращения комендантского часа. Наши военные сражаются против повстанцев с раскрашенными лицами где-то в Восточной Азии (к сожалению, уже не в Африке). Но я вижу армейские подразделения с оружием и в камуфляже и на площадях наших городов. Армия, как и тогда, не только сражается на рубежах, но и выполняет функции полиции. Я словно попал в «Рим – открытый город»[34 - «Рим – открытый город» (итал. Roma, citta aperta) – кинофильм режиссера Роберто Росселлини 1945 года, считается эталоном и отправной точкой в развитии итальянского неореализма. Действие фильма происходит в 1944 году в Риме.]. Слышу разговоры и читаю статьи, подобные тем, что читал тогда в журнале *La difesa della razza*[35 - *La difesa della razza* («В защиту расы») – журнал, выходивший в Италии с 1938 по 1943 год. Главной целью его было псевдонаучное обоснование превосходства арийской расы над всеми остальными.], где нападки были не только на евреев, но и на цыган, марокканцев, иностранцев в целом. Хлеб дорожает. Нас предупреждают, что придется экономить нефть, ограничивать потребление электроэнергии, выключать витрины в ночное время. Идут на убыль автомобили, и вновь появляются «Похитители велосипедов»[36 - «Похитители велосипедов» (итал. *Ladri di biciclette*) – драма Витторио де Сики 1948 года, ставшая классикой итальянского неореализма и мирового кинематографа в целом. Действие происходит в послевоенной Италии 1940-х годов.]. Оригинальный штрих – скоро будут нормировать воду. Пока еще нет отдельного правительства на юге и на севере страны, однако есть те, кто работает в этом направлении. Я скучаю по Вождю, который бы обнимал и целомудренно целовал в щечку пышнотелых деревенских хозяек, но у каждого свои предпочтения.

2008

Разрушить Италию

Примерно год назад в одной своей «картонке» я рассказывал о том, что углубился в изучение интернет-сайтов анти-национально-освободительной и пробурбонской направленности. Сегодня в газетах пишут, что каждый третий итальянец выступает за смертную казнь. Мы возвращаемся на уровень американцев (fuck you Беккариа[37 - Чезаре Беккариа Бонесано (1738–1794) –

итальянский мыслитель, публицист, правовед, экономист и общественный деятель эпохи Просвещения. Одним из первых в Европе выступил за отмену смертной казни и других наиболее жестоких наказаний.]), китайцев и иранцев. Еще один, вызывающий умиление шаг в прошлое – настойчивое требование вновь открыть дома терпимости, но не современные, подходящие к случаю, а такие, что были прежде, с незабываемыми писсуарами на входе и ma?tresse[38 - Maotresse (фр.) здесь: хозяйка борделя.], кричащей: «Ребята, в номерах не прохлаждаться!» Конечно, если можно было бы вернуть затемнение и, возможно, комендантский час, было бы куда интереснее. Кстати, разве конкурс теледив – это не навязчивые грезы о шеренге из танцовщиц незабвенного кабаре?

В начале пятидесятых годов мы с Роберто Лейди[39 - Роберто Лейди (1928–2003) – итальянский музыковед, специалист по этнической музыке.] решили основать антипатриотический союз. Это была своеобразная ирония, пародия на образование, которое мы получили в годы злополучной диктатуры, когда родина преподносилась нам под разными соусами и мы наелись этим до тошноты. К тому же возрождались неофашистские группы, и, вообще, по телевизору можно было смотреть только один канал в черно-белом изображении, и приходилось выдумывать, чем развлечь себя вечерами. В качестве гимна антипатриотический союз выбрал марш Радецкого[40 - Марш Радецкого – марш, написанный Иоганном Штраусом – старшим в честь фельдмаршала графа Радецкого в 1848 году. Одно из самых знаменитых произведений Штрауса. Йозеф Радецкий (1766–1858) – австрийский военачальник и государственный деятель, отличился в австро-итальянской войне (также известна как Первая война за объединение Италии) против австрийского господства, начавшейся в условиях общеевропейской революции 1848 года. Радецкий в должности вице-короля Ломбардо-Венецианского королевства водворил при помощи жестких мер спокойствие в Италии. Фигура Радецкого крайне неоднозначно оценивается в итальянской историографии.], и предполагалось, естественно, дать моральную переоценку этой светлой личности противника национально-освободительного движения; планировался также референдум по возврату Ломбардо-Венецианских земель Австрии, Неаполя – Бурбонам, Рима, понятное дело, папе, передача Пьемонта Франции, а Сицилии – Мальте. Необходимо снести на всех площадях Италии памятники Гарибальди и переименовать все улицы, названные как в честь Кавура, так и в честь различных мучеников и героев-ирредентистов[41 - Граф Камилло Бенсо ди Кавур (1810–1861) – итальянский государственный деятель, премьер-министр Сардинского королевства, сыгравший исключительную роль в объединении Италии, первый премьер-министр Италии; Ирредентист – член или сторонник

партии ирредентистов, программным требованием которой было воссоединение Италии по этнографическому и лингвистическому признаку.]; в школьных учебниках нужно смело ставить под сомнения моральный облик Карло Пизакане, Энрико Тотти[42 - Карло Пизакане (1818–1857) – итальянский революционер, деятель Рисорджименто; Энрико Тотти (1882–1916) – итальянский патриот, в годы Первой мировой войны добровольно пошел сражаться в отряд берсальеров, хотя и не подлежал призыву, поскольку в результате несчастного случая лишился ноги, когда работал механиком на железной дороге.]. И далее по списку.

Союз распался, столкнувшись с удивительным открытием. Чтобы по-настоящему называться антипатриотом и желать Италии гибели, пришлось бы переоценить и фигуру дуче, то есть того, кто действительно погубил Италию, и, следовательно, у нас был один путь – в неофашисты. Сочтя такой вариант неприемлемым, мы отказались от проекта.

Мы, конечно, валяли дурака, но почти все, что мы тогда придумали, сегодня осуществляется – хотя у нас и в мыслях не было выступать под национальным флагом с идеями, которые потом Босси[43 - Умберто Босси (р. 1941) – итальянский политик, лидер и идеолог партии «Лига Севера», стремящейся добиться автономии и независимости северных провинций Итальянской Республики.] провозгласил своей программой, и мы совершенно точно не собирались воздавать почести тем, кто расстреливал берсальеров у Porta Pia[44 - Porta Pia (лат. Porta Pia) – ворота в северо-восточной части Аврелиановой стены Рима, последний архитектурный проект Микеланджело. 20 сентября 1870 года через брешь в стене рядом с ними в Рим вошли передовые отряды берсальеров. Это событие ознаменовало собой завершение Рисорджименто. В 1932 году на площади перед воротами был воздвигнут памятник берсальерам; в соседнем здании разместился посвященный им музей с гробницей национального героя Энрико Тотти.].

В те времена в правительстве были христианские демократы, задачей которых было сдерживать церковь, защищая светский характер государства, и максимальным проявлением неоклерикализма стала поддержка Тольятти пресловутой статьи 7 Конституции, статьи, признающей Латеранские соглашения[45 - Пальмиро Микеле Никола Тольятти (1893–1964) – генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии; Латеранские соглашения (1929) – система договоров, урегулировавшая разногласия между итальянским государством и Святым престолом.]. С некоторых пор распался квалюнквизм[46 - Квалюнквизм – недолговечное политическое движение, существовавшее в

Италии в послевоенный период. Отрицает или сознательно игнорирует политический аспект в социальной жизни. Название произошло от газеты L'Uomo Qualunque («Обычный человек»), с 1944 года издаваемой Гульельмо Джаннини. Обычно под термином понимается безразличное отношение к политике, «пофигизм», обывательство.], движение, подхлестнувшее в определенный период антиунитарные настроения, недоверие к Риму, погрязшему в коррупции и воровстве, или выпады против бездельников-бюрократов, пьющих кровь трудового народа. Мы и представить себе не могли, что однажды подобную позицию займут министры нашей Республики.

Мы не понимали, что для того, чтобы лишить парламент его значимости и отобрать у него реальную власть, достаточно просто принять закон, по которому депутаты не избираются народом, а еще до выборов назначаются Боссом. Нам казалось, что плавный возврат к Палате фасций и корпораций[47 - Палата фасций и корпораций (итал. Camera dei Fasci e delle Corporazioni) – официальное название нижней палаты итальянского парламента с 1939 года. В палате заседали «национальные советники» (Consiglieri Nazionali), а не депутаты. Советники палаты представляли не избирательные округа, а различные отрасли культуры, торговли и промышленности Италии, что было воплощением идеи фашизма о корпоративном государстве. Советники избирались не на определенный срок, а на то время, пока они были членами отрасли, от которой были избраны.] – это слишком фантастическая затея.

Мы хотели разрушить Италию, но постепенно и думали, что на это уйдет по меньшей мере век. Однако все произошло значительно быстрее; кроме Италии, рушится и Alitalia[48 - Alitalia – итальянская авиакомпания, крупнейший авиаперевозчик Италии, пятый по величине в Европе. Основана в 1946 году. Когда писалась эта заметка, компания находилась в глубоком кризисе. 8 августа 2014 года авиакомпания Etihad Airways (Объединенные Арабские Эмираты) объявила о приобретении всех акций у правительства Италии, тем самым приватизировав национального перевозчика страны.]. Но самое интересное, что этот процесс не зависит от государственного переворота, подготовленного бунтовщиками, кучкой благородных идеалистов, какими мы были. Нет, он совершается при одобрении большинства итальянцев.

Быть на виду

Помахать ручкой

Сталкиваясь на практике с глобальным потеплением и исчезновением демисезонов и находя подтверждение своему опыту в авторитетных источниках, я задаюсь вопросом: что будет чувствовать мой внук, которому нет пока и двух с половиной, когда услышит слово «весна» или прочтет в школе стихи, повествующие об осеннем увядании природы? И какова будет его реакция, когда уже взрослым он послушает «Времена года» Вивальди? Возможно, он будет жить в другом мире, родном и привычном, и не будет страдать от отсутствия весны, глядя, как жаркой зимой распускаются по ошибке деревья. В конце концов, я и сам в детстве ни разу не сталкивался с динозаврами, однако вполне мог их себе представить. Возможно, моя ностальгия по весне – это тоска пожилого человека по детству, так вспоминаются ночи, проведенные в бомбоубежище за игрой в прятки.

Для этого еще не выросшего ребенка естественно будет жить в мире, где главной ценностью (важнее, чем секс и деньги) станет публичность. Где ради того, чтобы добиться признания и не прозябать в невыносимой, пугающей неизвестности, пойдут на все, лишь бы засветиться в телевизоре или в том, что к тому времени будет вместо телевизора. Где все больше безупречных матерей семейств будут с готовностью вываливать на скандальных ток-шоу самое грязное белье, лишь бы назавтра их узнавали в супермаркете и просили автографы, а молоденькие девушки (как это происходит уже сейчас) будут стремиться в актрисы, но не для того, чтобы стать второй Дузе или Гарбо[49 - Элеонора Дузе (1858–1924) – знаменитая итальянская актриса; Грета Гарбо (1905–1990) – шведская и американская актриса.], не для того, чтобы играть Шекспира или хотя бы петь, как Жозефина Бейкер[50 - Жозефина Бейкер (1906–1975) – известная американо-французская танцовщица, певица и актриса.], одетая в одни бананы, на сцене «Фоли-Бержер»[51 - «Фоли-Бержер» (Folies Bergère) – знаменитое парижское варьете и кабаре.], и даже не для того,

чтобы грациозно дрыгать ножками, подобно шоу-герл в телепередачах недавнего прошлого, а просто чтобы попасть в ассистентки ведущего телевикторины – чистая показуха, не подкрепленная никаким искусством.

И тогда этому ребенку растолкуют (возможно, школа – заодно с царями Рима и падением Берлускони[52 - Сильвио Берлускони (р. 1936) – крупный предприниматель, четырежды занимал пост председателя Совета министров Италии, основатель правоцентристской партии «Вперед, Италия».], а может, исторические фильмы с названиями типа «Однажды на “Фиат”, которые в Cahiers du cinéma окрестят «проле?т», по аналогии с «пеплумом»), что с незапамятных времен люди стремились добиться признания окружающих. И одни старались, чтобы с ними было приятно посидеть вечерком в таверне, другие пытались отличиться в футболе или в стрельбе по мишеням на празднике святого покровителя либо рассказывали, как им на крючок попала «вот такая рыбина». И девушки хотели выделиться, надев к воскресной мессе кокетливую шляпку, а бабушки – тем, что они лучшие в деревне поварихи или портнихи. И беда, если б было иначе, ведь человеку, чтобы узнать, кто он такой, необходим взгляд Другого, и чем большую любовь и восхищение он вызывает у Другого, тем лучше себя узнаёт (или думает, что узнаёт), ну а если этих Других будет не один, а сотня, тысяча, десять тысяч – так тем лучше, чувствуешь себя полностью реализовавшимся.

И стало быть, в эпоху непрерывных и масштабных перемещений, когда каждый утратил родную деревню и чувство корней, а другой – это тот, с кем общаешься удаленно, по интернету, будет только естественно, если люди примутся искать признания иными путями и место деревенской площади займет практически всемирная аудитория телепередачи или того, что ее заменит.

Но чего школьные учителя, или кто там будет вместо них, вероятно, не вспомнят, так это того, что в те стародавние времена существовало очень жесткое разделение между прославленными и ославленными. Каждый хотел прославиться как самый меткий лучник или лучшая танцовщица, но никто не желал быть ославлен как главный в деревне рогоносец, общепризнанный импотент, прожженная шлюха. На худой конец шлюха пыталась выдать себя за танцовщицу, а импотент рассказывал раблезианские байки о своих сексуальных похождениях. В мире будущего (если он будет похож на тот, что вырисовывается уже сегодня) подобное разделение исчезнет: люди пойдут на все, лишь бы быть «на виду» и «на слуху». Не будет разницы между славой великого иммунолога и славой паренька, зарубившего маму топором, между

великим любовником и победителем всемирного конкурса в категории «самый короткий мужской член», между тем, кто открыл в Центральной Африке лепрозорий, и тем, кому лучше всех удалось облапошить налоговиков. Всякое лыко пойдет в строку – лишь бы произвести впечатление, лишь бы на следующее утро нас узнал бакалейщик (или банкир).

Если кто-то решит, что я сгущаю краски, то пусть объяснит, что означает, когда уже сейчас (точнее, последние несколько десятилетий) люди пристраиваются за журналистом с микрофоном, чтобы помахать в камеру ручкой, или идут на телевикторину «Цыганка»[53 - «Цыганка» (итал. La Zingara) – популярная в Италии телевизионная викторина, транслировавшаяся на канале RAI 1 в 1997–2002 годах.], прекрасно сознавая, что не скажут даже, что «одна ласточка весны не делает». Какая разница, все равно прославятся.

Но я не сгущаю краски. Возможно, ребенок, о котором речь, станет адептом какой-нибудь новой секты, задавшейся целью укрыться от мира, бежать в пустыню, похоронить себя в монастыре, наложить на уста печать молчания. В конце концов, такое уже было – на закате той эпохи, когда императоры стали вводить в сенат своих коней.

2002

Господь свидетель, что я дурак...

Позавчера утром в Мадриде я завтракал со своим королем. Не поймите меня превратно: я по-прежнему ярый республиканец, но два года назад меня произвели в герцоги государства Редонда (под титулом Герцог Острова Накануне), и это герцогское достоинство со мной разделяют Педро Альмодовар, Антония Сьюзен Байетт, Фрэнсис Форд Коппола, Артуро Перес-Реверте, Фернандо Саватер, Пьетро Читати, Клаудио Магрис, Рэй Брэдбери[54 - Педро Альмодовар Кабальеро (р. 1949) – испанский кинорежиссер; Антония Сьюзен Байетт (р. 1936) – английская писательница; Фрэнсис Форд Коппола (р. 1939) – американский кинорежиссер; Артуро Перес-Реверте (р. 1951) – испанский писатель; Фернандо Фернандес-Саватер Мартин (р. 1947) – испанский философ и писатель; Пьетро Читати (р. 1930) – итальянский литературный критик и

биограф; Клаудио Магрис (р. 1939) – итальянский писатель; Рэй Брэдбери (1920–2012) – американский писатель.] и несколько других лиц, которых до определенной степени объединяет одно общее качество: все они приятны королю.

Итак, остров Редонда площадью тридцать квадратных километров (всего ничего) находится в Вест-Индии, он совершенно необитаем, и подозреваю, нога ни одного из его монархов не ступала на его землю. В 1865 году его приобрел банкир Мэтью Дауди Шил, после чего обратился к королеве Виктории с просьбой предоставить ему автономию, что ее милостивое величество без труда и сделала, ибо не видела здесь ни малейшей угрозы для британской колониальной империи. В последующие десятилетия остров переходил от одного короля к другому, причем некоторые монархи продавали титул неоднократно, порождая стычки между претендентами (если хотите узнать всю историю династических пертурбаций, наберите в Википедии «Редонда»), и в 1997 году последний король отрекся от престола в пользу знаменитого испанского писателя Хавьера Мариаса (неоднократно переведенного также в Италию)[55 - Хавьер Мариас (р. 1951) – испанский писатель и журналист.], а тот принялся раздавать герцогские титулы направо и налево.

Вот и вся история, которая, понятное дело, слегка отдает патафизическим безумием, но все же, как ни крути, не каждый день становишься герцогом. Но речь не об этом – под конец нашего разговора Мариас сказал кое-что, над чем стоит поразмыслить. Мы говорили о том очевидном факте, что нынче люди готовы пуститься во все тяжкие, лишь бы попасть в телевизор, пускай даже в роли идиота, который машет ручкой, стоя позади интервьюируемого. Не так давно в Италии брат одной зверски убитой девушки, пожал с газетных хроник скорбную дань, решил настричь купонов со своей трагической известности и пришел к Леле Море[56 - Леле Мора (р. 1955) – скандально известный в Италии телепродюсер.] просить, чтобы тот устроил его на телевидение; знаем мы и тех, кто ради того, чтобы засветиться в новостях, готов признать себя рогоносцем, импотентом или мошенником, – в конце концов, психологам-криминалистам давно известно, что серийным убийцей движет желание быть пойманным и прославиться.

«Откуда все это безумие?» – задались мы вопросом. Мариас выдвинул гипотезу: все, что творится сегодня, объясняется тем, что люди больше не верят в бога. Раньше они были убеждены, что у каждого их поступка есть как минимум один Зритель, которому известны все их дела (и помыслы), который может понять их

или, если так надо, осудить. Человек мог быть совершенно никчемным, изгоем, никому не нужным «лузером», о котором через минуту после смерти никто уже и не вспомнит, но в глубине его души сидело убеждение, что хотя бы Кто-то один знает о нем все.

«Господь свидетель, что мне пришлось вытерпеть», – твердила себе немощная старушка, покинутая внуками. «Господь свидетель, что я невиновен», – утешал себя несправедливо осужденный. «Господь свидетель, сколько я для тебя сделала», – говорила мать неблагодарному сыну. «Господь свидетель, как я тебя люблю!» – кричал покинутый любовник. «Одному Богу известно, сколько я перенес», – жаловался горемыка, до чьих несчастий никому не было дела. К Господу взывали как к оку, от которого ничто не укроется, чей взгляд придавал смысл даже самой серой и бессмысленной жизни.

А если убрать, вычеркнуть этого всевидящего Свидетеля, то что остается? Взгляд общества, взгляд окружающих, который надо привлечь, чтобы тебя не засосало в черную дыру неизвестности, в воронку забвения, пускай даже ради этого придется выбрать роль деревенского дурачка, отплясывающего в одних трусах на столе в трактире. Появление на телеэкране – это единственный заменитель трансцендентного, и в общем и целом вполне удовлетворительный: мы видим себя (и нас видят) в мире ином, и при этом все те, кто здесь, видят нас там, и мы сами тоже находимся здесь: подумайте, как замечательно – пользоваться всеми преимуществами бессмертия (пускай довольно краткого и преходящего) и одновременно у себя дома, на земле, принимать почести по поводу нашего вознесения в Эмпиреи.

Беда в том, что в подобных случаях нас подводит двойное значение слова «признание». Мы все мечтаем, чтобы «признали» наши заслуги, наши жертвы или какое угодно другое наше достоинство, но когда, засветившись на экране, мы встречаем в баре кого-то, кто говорит: «А я вас вчера по телевизору видел», он всего-навсего тебя «признал», то бишь узнал в лицо – а это уже совсем другое дело.

Чем я хуже Мадонны?

В прошлую пятницу, на одном из вечеров, организованных газетой La Repubblica в Болонье, в разговоре со Стефано Бартедзаги[57 - Стефано Бартедзаги (р. 1962) – итальянский писатель и журналист, в прошлом студент У. Эко.] мне случилось затронуть тему репутации. Было время, когда репутация могла быть только хорошей или плохой, и если возникала опасность погубить репутацию (человек терпел банкротство или прослышал рогачом), то ради восстановления доброго имени люди шли на самоубийство или мстили за поруганную честь. Само собой разумеется, все стремились иметь хорошую репутацию.

Но уже довольно давно на смену понятию репутации пришло понятие известности. Важно получить «признание» себе подобных, но не в смысле признания как уважения или награды, а в более банальном – когда ты идешь по улице, а вокруг говорят: «Смотри, смотри, это он». Основопологающей ценностью стала демонстрация себя, и, разумеется, самый надежный способ – это продемонстрировать себя по телевизору. Для этого не надо быть Ритой Леви Монтальчини или Марио Монти[58 - Рита Леви Монтальчини (1909–2012) – итальянский нейробиолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1986 года; Марио Монти (р. 1943) – итальянский политик.], достаточно признаться на ток-шоу, что тебе изменил муж.

Первым героем самодемонстрации стал тот идиот, что вставал позади интервьюируемых и махал ручкой. Зато на следующий вечер его узнавали в баре («а знаешь, я тебя по телевизору видел»), но при этом человек появлялся на телеэкране лишь на одно утро, не больше. Поэтому постепенно прижилась идея, что для того, чтобы закрепиться на экране прочно и надолго, надо делать то, что прежде испортило бы вам репутацию. Не то чтобы никто не хотел иметь хорошую репутацию, но завоевывать ее уж очень утомительно – надо совершить что-нибудь героическое, получить если не Нобелевку, то хотя бы премию «Стрега»[59 - Премия «Стрега» (итал. Premio Strega) – одна из самых престижных итальянских премий (с 1947 года) в области литературы.], посвятить жизнь лечению прокаженных, а это все не такие вещи, что можно сделать одной левой. Куда легче вызвать к себе интерес, желательно нездоровый, если за деньги переспать со знаменитостью или попасться на растрате. Я не шучу, достаточно взглянуть, как гордо смотрит в камеру взяточник или какой-нибудь пройдоха от большой политики, когда его снимают для выпуска новостей, порой прямо в день ареста, – эти минуты славы стоят тюремного заключения, и уж тем более, если срок давности уже истек, вот почему обвиняемый улыбается. Прошли

десятилетия с тех пор, когда у кого-то могла рухнуть вся жизнь оттого, что на него надели наручники.

В общем, принцип такой: «Если Мадонне можно, то почему мне нельзя?» И кому какое дело, девственница ты или нет.

Обо всем этом мы говорили в прошлую пятницу, 15-го, а буквально на следующий день в La Repubblica вышла длинная статья Роберто Эспозито («Утраченный стыд»), где автор, в частности, рассуждает о книгах Габриэллы Турнатури («Стыд. Метаморфозы одного чувства» (Feltrinelli, 2012)) и Марко Бельполити («Без стыда» (Guanda, 2010))[60 - Turnaturi G. Vergogna. Metamorfosi di un'emozione. Feltrinelli, 2012; Belpoliti M. Senza vergogna. Guanda, 2010.]. В общем, тема потери стыда нередко всплывает в размышлениях по поводу современных нравов.

Вопрос: это неистовое желание показать себя (стать известным любой ценой, даже ценой того, за что раньше заклеили бы позором) происходит от утраты стыда или, наоборот, чувство стыда теряется оттого, что доминирующей ценностью становится демонстрация себя, пускай даже вопреки стыду? Я склоняюсь ко второму варианту. Быть на виду, стать предметом обсуждения – это настолько доминирующая ценность, что люди готовы отказаться от того, что прежде называлось стыдливостью (или ревнивым обереганием своей приватности). Как замечает Эспозито, одно из проявлений нехватки стыда – это когда в поезде громко говорят по мобильному, во всеуслышание разглашая подробности личной жизни – те, что раньше сообщались на ушко шепотом. Не то чтобы человек не отдавал себе отчета, что его слышат окружающие (тогда это просто невоспитанность), просто он подсознательно желает быть услышанным, пусть даже в его личной жизни нет ничего примечательного – увы, не всем дано иметь такую примечательную личную жизнь, как у Гамлета или Анны Карениной, поэтому прославиться как девушка из эскорт-услуг или злостный неплательщик уже будет неплохо.

Прочел, что какое-то очередное церковное течение призывает вернуться к публичной исповеди. Ну еще бы, какой смак в том, чтобы пичкать своим срамом уши одного лишь духовника?

Я твитю, следовательно, я существую

Меня нет ни в Твиттере, ни в Фейсбуке. Это не противоречит конституции. Но в Твиттере, разумеется, есть мой фальшивый аккаунт – как есть он, если не путаю, и у Казаледжо[61 - Джанроберто Казаледжо (1954–2016) – итальянский предприниматель и политик, который вместе с комиком и политиком Беппе Грилло (р. 1948) основал движение «5 звезд». Есть мнение, что Дж. Казаледжо – подлинный автор (ghostwriter) книг Грилло, редактором блога которого он был.]. Как-то раз я встретил даму, которая, глядя на меня глазами, полными благодарности, сказала, что постоянно читает меня в Твиттере и несколько раз вступала со мной в переписку, что чрезвычайно обогатило ее интеллектуально. Я попытался объяснить ей, что это самозванец, но она так на меня посмотрела, будто я заявил, что я – это не я. Если я есть в Твиттере, значит, я существую. Twitto ergo sum.

Убеждая ее, я не слишком усердствовал, поскольку, что бы ни думала обо мне эта дама (а судя по ее реакции, Эко-самозванец говорил как раз то, с чем она была согласна), это никак не отразилось бы ни на истории Италии, ни на мировой истории – не отразилось бы даже на моей личной биографии. Было время, когда я регулярно получал по почте от другой дамы объемистые досье, якобы отправленные ею президенту Италии и другим выдающимся деятелям в знак протеста против кого-то, кто ее преследовал, которые она присылала мне для ознакомления, потому что, по ее словам, еженедельно, в каждой «картонке», я выступал в ее защиту. То есть, что бы я ни написал, она читала это как относящееся к ее личной проблеме. Я никогда не пытался ее разубедить, ведь это было бы бесполезно и ее глубоко личная паранойя все равно не повлияла бы на ситуацию на Ближнем Востоке. Потом, разумеется, не получив от меня никакого ответа, она переключила свое внимание на кого-то другого, так что не знаю, кого она терзает сейчас.

Мнение, высказанное в Твиттере, не имеет значения, потому что говорят все – и кто-то из этих «всех» верит в явления Девы Марии в Меджугорье, кто-то ходит к хироманту, кто-то считает, что за 11 сентября стоят происки евреев, а кто-то питает доверие к Дэну Брауну. Меня всегда завораживают твиты, бегущие строкой внизу экрана во время передач Телезе и Порро[62 - Лука Телезе (р. 1970) и Никола Порро (р. 1969) – известные итальянские журналисты и телеобозреватели.]. О чем только в них не говорится, каждый противоречит

предыдущему, а все вместе они дают представление не о том, что думают люди, а лишь о том, что думают отдельные выбранные наугад персонажи.

Твиттер – это как неперенный бар «Спорт» в любой деревушке или пригороде. Разговор ведут: местный дурачок; мелкий собственник, убежденный, что его душат налогами; участковый врач, сетующий, что ему не досталась кафедра сравнительной анатомии в крупном университете; уже слегка перебравший граппы прохожий; дальнотойщик, расхваливающий потрясающих телок на объездной дороге, – и (изредка) кто-то, говорящий нечто осмысленное. Но все так и остается в четырех стенах, еще ни разу беседы за барной стойкой не повлияли на международную политику, и беспокоили они разве что фашистов, которые следили, чтобы в барах не говорили о «большой стратегии». В целом же о том, что думает большинство, можно судить лишь по статистическим данным, получаемым в тот момент, когда каждый, хорошенько поразмыслив, голосует – и голосует за чье-то чужое мнение, забывая все, что было сказано в баре.

Выходит, эфир интернета пестрит мнениями, не имеющими значения – в том числе и потому, что если нравотчение и можно уложить менее чем в сто сорок знаков (например, «возлюби ближнего, как самого себя»), то чтобы изложить «Богатство народов» Адама Смита, знаков потребуется куда больше, и еще больше – чтобы растолковать, что означает $E = mc^2$.

Но зачем тогда публикуют твиты высокопоставленные персоны вроде Летты[63 - Энрико Летта (р. 1966) – итальянский политик.], которому достаточно препоручить те же самые мысли агентству ANSA[64 - ANSA (L'Agenzia Nazionale Stampa Associata) – Национальное агентство Ассошиэйтед Пресс, основанное в 1945 году.], чтобы их тут же подхватили газеты и телевидение, донося их и до не сидящего в интернете большинства? И зачем папа держит в Ватикане семинариста-почасовика, дабы тот кратко излагал высказанное святаейшим отцом *urbis et orbis* перед миллионами и миллионами телезрителей? Честно говоря, я и сам не знаю – вероятно, кто-то их убедил, что и это тоже нужно, чтобы привлечь огромное количество пользователей Сети. Ну хорошо, пускай Летта и Бергольо[65 - Хорхе Марио Бергольо (р. 1936) – римский папа Франциск.], но зачем тогда пишут в Твиттере господа Росси, Паутассо, Брамбилла, Чезарони и Эспозито?

Наверное, чтобы почувствовать себя немножко Леттой и папой.

Утрата приватности

Одна из проблем нашего времени, из-за которой (судя по тому, что пишут в прессе) все немного сошли с ума, – это проблема так называемой *privacy*, что при большом желании пошнобствовать можно перевести на вульгарный итальянский как «приватность». Если говорить очень и очень упрощенно, это означает, что каждый имеет право заниматься своими делами без чьего-либо надзора, особенно без надзора связанных с властями структур. Существуют даже организации, цель которых – гарантировать всем сохранение приватности (только непременно в формулировке *privacy*, а то звучит как-то несерьезно). В связи с этим мы беспокоимся, что через наши кредитные карточки кто-нибудь может отследить, что мы купили, в какой гостинице остановились и где поужинали. Не говоря уже о телефонном прослушивании – за исключением тех случаев, когда оно необходимо для выявления преступников. Дошло до того, что недавно Vodafone забил тревогу по поводу того, что тайные и не очень агенты различных государств могут узнать, кому мы звоним и что говорим.

Создается впечатление, что приватность – это благо, которое каждый готов защищать любой ценой, лишь бы не оказаться в мире Большого Брата (настоящего, оруэлловского), где всепроникающее око способно следить за всем, что мы делаем и даже что думаем.

Но вот в чем вопрос: действительно ли люди так уж дорожат приватностью? Когда-то угрозой приватности считалась сплетня – сплетен боялись за то, что они посягали на нашу репутацию в глазах окружающих, выставляли на всеобщее обозрение грязное белье, которому на законных основаниях полагалось стираться внутри семьи. Но сейчас (возможно, виной тому так называемое текучее общество, где каждый переживает кризис идентичности и ценностей и не знает, куда податься за ориентирами, которые бы его определяли) единственный способ получить общественное признание – это оказаться «на виду» любой ценой.

И вот женщина, торгующая собственным телом, которая прежде стремилась скрыть свой род занятий от родных и соседей, теперь заставляет называть это

«эскорт-услугами» и жизнерадостно принимает свою общественную роль, без стеснения появляясь в телевизоре; супруги, некогда ревностно скрывавшие свои семейные неурядицы, участвуют в передачах в стиле trash, исполняя под аплодисменты публики любые роли: хоть изменника, хоть обманутого; наш попутчик в поезде громогласно сообщает по телефону, что он думает о свояченице и что надо делать его консультанту по налогам; находящиеся под следствием по любому делу вместо того, чтобы забиться в глушь и сидеть там, пока не схлынет волна скандала, наоборот, еще чаще появляются на публике с улыбкой на устах, ведь лучше быть заведомым вором, чем никому не известным порядочным человеком.

Недавно в La Repubblica появилась статья Зигмунта Баумана, в которой отмечалось, что социальные сети (и прежде всего Фейсбук), представляющие собой инструмент наблюдения за чужими мыслями и эмоциями, действительно используются различными контролирующими органами, причем при горячем содействии самих участников; Бауман говорит об «исповедническом обществе, возводящем публичную демонстрацию себя в ранг важнейшего и наиболее доступного, а также, вполне вероятно, наиболее эффективного доказательства присутствия человека в социуме». Иными словами, впервые за всю историю человечества объекты слежки сотрудничают со следящими, стараясь облегчить им задачу, и извлекают из этой капитуляции повод для удовлетворения, потому что кто-то видит их существование, и неважно, если порой они существуют в роли преступников или полудурков.

Верно также и то, что теперь, когда кто-то может узнать все обо всех, причем эти все представляют собой всю совокупность обитателей планеты, переизбыток информации мало что даст, кроме путаницы, белого шума и в конечном счете тишины. Но об этом пусть беспокоятся следящие, а объектов слежки полностью устраивает, чтобы о них самих и об их самых потаенных секретах знали хотя бы друзья, соседи и по возможности враги, ведь только так можно почувствовать себя живым и активным членом социума.

2014

В глубинах ДНК

В прошлой «картонке» я рассуждал о том, что происходит в мире, где больше не существует приватности и все могут узнать, что мы делаем. В заключение я сказал, что, по-видимому, бессмысленно отстаивать право обходить молчанием отдельные сферы, если учесть, что общей тенденцией является желание любой ценой оказаться на виду и на слуху, подтверждая этим свое существование. Люди не хотят приватности, даже если они ее требуют.

Сейчас, в деле об убийстве Яры[66 - Речь идет о нашумевшем в Италии убийстве в городе Брембате-ди-Сопра тринадцатилетней девочки Яры Гамбарисио в 2010 году. По результатам теста ДНК был арестован местный каменщик Джузеппе Боссетти, который, как установило следствие, не был сыном человека, которого всю жизнь считал своим отцом. В 2016 году Боссетти был приговорен к пожизненному заключению.], произошло обратное. Кто-то – если не следователи, то журналисты или еще какой-нибудь источник – не только заявил, что виновен Боссетти (который, когда я писал эти строки, оставался пока только подозреваемым) и что его вина установлена на основании анализа ДНК, но и сообщил, что, как при этом обнаружилось, он оказался внебрачным сыном такого-то, с которым его матушка несколько десятилетий назад имела прелюбодейную связь, что муж его матери ни о чем не подозревал и вырастил Боссетти как родного ребенка, а теперь рвал и метал и так далее.

Едва схлынуло первое возбуждение, как раздались возмущенные голоса: ну хорошо, арестовали виновного, но так ли было надо разглашать во всеуслышание подробности его биографии, ставя в неприятнейшее положение как его мать, так и псевдоотца, фактически разрушить супружеский союз, выставить напоказ и подвергнуть публичному унижению людей, которые не имели никакого отношения к преступлению и были вправе ожидать, что их грязное белье не будет выставлено на всеобщее обозрение.

Прокатилась цепная реакция покаяния – в том числе среди журналистов, которые просили прощения за то, что сами же легкомысленно спровоцировали, под лицемерное поддакивание общественного мнения, справлявшего триумф так называемой Schadenfreude[67 - Злорадство (нем.)], то есть сладострастного упоения чужим несчастьем или страданием.

Но давайте задумаемся. Допустим, те, кто ведет следствие, сообщили, что обнаружили виновного (на момент написания этих строк еще подозреваемого) и что вину доказывает анализ ДНК. И все на этом. Тогда пресса и общественное

мнение поинтересовались бы, каким образом из тысячи человек, проживающих в округе, был выбран именно Боссетти. И допустим, следователи ответили бы: «Этого мы вам не скажем, по крайней мере до суда, если он вообще будет».

Нетрудно себе представить последствия. Мы стали бы задаваться вопросом, что скрывают от нас судебные органы и силы правопорядка: кто докажет, что они сработали правильно (или, как в таких случаях говорится, «профессионально»)? Общество, поднялся бы крик, имеет право знать!

Дело в том, что публика, благодаря WikiLeaks и разоблачениям Сноудена, привыкла к тому, что все, буквально все должно быть гласным. Что верно лишь до определенной степени: бывают такие махинации на общественном и частном фронте, которые и впрямь необходимо вскрыть и разоблачить, но изначально, для того, чтобы государственная машина могла работать, должна быть возможность сохранять содержание дипломатических депеш и правительственных документов в секрете. Представьте себе, если бы полицейские были обязаны докладывать: мы ищем убийцу и, похоже, выяснили, кто это, мы установили за ним слежку, чтобы поймать с уликами, его зовут имярек, и он живет на такой-то улице. Имярек пустился бы в бега и так и не был бы пойман. Есть планы, которые должны оставаться в тайне хотя бы до той степени, чтобы их исполнение (возможно, доблестное) не оказалось под угрозой срыва.

Но утрата приватности, особенно после WikiLeaks и Сноудена, оказалась возведена в ранг этической нормы, так что всем позарез нужно, чтобы гласности предавалось все, всегда и в любом случае. И не дай бог о неприятной истории с родственниками Боссетти умолчали бы – следователей бы обвинили в возмутительном пособничестве.

Ну так на что же мы жалуемся? Мама Боссетти и тот, кто до вчерашнего дня считался его отцом, должны смириться, что грязное белье теперь стирают на телеэкране, одновременно с рекламой стиральных машин. Если утрата приватности добралась (что логично) до глубин ДНК, ей остается лишь торжествовать всегда и повсюду. Нравится нам это или нет.

Старики и молодежь

Средняя продолжительность жизни

Не знаю, многие ли еще помнят стихи Де Амичиса: «Нет, не всегда уносят годы красоту, не омрачить ее следам несчастий – вот, матушке моей уж шестьдесят, и для меня она чем дальше, тем прекрасней». Это гимн не женской красоте, а сыновнему состраданию. Теперь возрастной рубеж для проявления подобного сострадания должен отодвинуться годам к девяноста, поскольку шестидесятилетняя дама, при условии мало-мальски приличного здоровья, выглядит еще свежо и бодро, а если при этом она прибегала к услугам пластического хирурга, то и лет на двадцать моложе. Тем не менее в детстве я, помнится, переживал, как нечестно выйдет, если я проживу дольше шестидесяти, – каково будет доживать свой век бессильным слюнявым маразматиком в приюте для престарелых! А думая о Миллениуме, считал, что, если верить Данте, пожалуй, я могу дожить до семидесяти, а значит, застать 2002 год, но это была очень отдаленная перспектива, и мало кто доживал до столь почтенного возраста.

Я размышлял об этом несколько лет назад, когда встретил Ганса Гадамера[68 - Ганс Георг Гадамер (1900–2002) – немецкий философ, ученик М. Хайдеггера.], которому на ту пору исполнилось уже сто: он приехал на конференцию издалека и за столом ел с отменным аппетитом. Я осведомился о его самочувствии, и он со скорбной улыбкой пожаловался на боль в ногах. Хотелось прямо-таки отхлестать его по щекам за это бодрое нахальство (и в самом деле, он благополучно прожил еще два года).

Мы по инерции считаем, что живем в эпоху, когда техника день за днем движется вперед семимильными шагами, задаемся вопросом, к чему приведет нас глобализация, но куда реже задумываемся над тем, что самого впечатляющего взлета (более стремительного, чем в любой другой сфере)

человечество добилось в области увеличения продолжительности жизни. В конце концов, что человек способен подчинить себе природу, смутно подозревал уже троглодит, которому удалось самостоятельно добыть огонь, не говоря уже о том более развитом нашем предке, что изобрел колесо. Что когда-нибудь мы сможем построить летательные аппараты, говорили еще Роджер Бэкон, Леонардо и Сирано де Бержерак; что скорость наших перемещений будет все расти, стало ясно с изобретением парового двигателя; что у нас будет электрическое освещение, можно было предположить еще во времена Вольты. Но тысячелетиями люди тщетно мечтали об эликсире долголетия и источнике вечной молодости. В Средние века уже существовали отличные ветряные мельницы (которые до сих пор годятся в качестве источника альтернативной энергии) и при этом была одна церковь, посетивший которую паломник мог сподобиться чуда прожить до сорока лет.

Мы побывали на Луне более тридцати лет назад и до сих пор не можем добраться до Марса, однако во времена высадки на Луне человек в семьдесят лет уже завершал свой жизненный путь, тогда как сегодня (если отбросить рак и инфаркт) у него есть вполне обоснованная надежда дожить до девяноста. В общем, великий прогресс (если уж говорить о прогрессе) произошел скорее в сфере долголетия, нежели в сфере компьютеров. Предвестником компьютеров была еще вычислительная машина Паскаля, который умер в тридцать девять, и это уже считалось почтенным возрастом. Для сравнения: Александр Македонский и Катулл умерли в тридцать три, Моцарт – в тридцать шесть, Шопен – в тридцать девять, Спиноза – в сорок пять, Фома Аквинский – в сорок девять, Шекспир и Фихте – в пятьдесят два, Декарт – в пятьдесят четыре, а дряхлый старик Гегель – в шестьдесят один.

Многие из тех проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня, вызваны увеличением средней продолжительности жизни. Я говорю не только о пенсиях. Даже грандиозная миграция из стран третьего мира в Западную Европу порождена, естественно, надеждой миллионов людей найти здесь еду, работу и все то, что обещают кино и телевидение, но вдобавок и стремлением добраться до мира, где живут дольше, – во всяком случае, сбежать оттуда, где умирают слишком рано. И однако же (хотя у меня под рукой и нет статистики), полагаю, на исследования в области геронтологии и на профилактическую медицину мы тратим неизмеримо меньше, чем на военные и информационные технологии. Не говоря уж о том, что мы довольно хорошо знаем, как сровнять с землей город или передавать информацию дешево, но до сих пор не имеем четкого представления о том, как совместить благосостояние масс, будущее молодежи, перенаселенность земного шара и увеличение продолжительности жизни.

И пусть молодой человек считает, что прогресс – это то, что дает ему возможность послать эсэмэски или недорого слетать в Нью-Йорк, но поразительный факт (и нерешенная проблема) состоит в том, что повзрослеть он планирует в лучшем случае годам к сорока, тогда как его предки выросли в шестнадцать.

Конечно, следует возблагодарить Бога или судьбу за то, что теперь мы живем дольше, но необходимо при этом понимать, что перед нами одна из самых острых проблем нашего времени, а не просто очередное общее место.

2003

Красивое безобразно, безобразное красиво?

Гегель отмечал, что лишь с приходом христианства страдание и уродство оказались включены в сферу художественного, поскольку «невозможно изобразить в соответствии с греческими канонами красоты Христа бичуемого, в терновом венце... распятого, агонизирующего». Он ошибался, потому что в древнегреческом мире были не только Венеры из белоснежного мрамора, но и муки Марсия, смятение Эдипа или смертоносная страсть Медеи. Однако в христианской живописи и скульптуре и впрямь предостаточно искаженных болью лиц, даже если не доходить до садизма Мела Гибсона[69 - Мел Гибсон (р. 1956) – австралийский и американский актер, режиссер. Речь идет о его фильме «Страсти Христовы» (2004), в котором очень реалистично представлены физические страдания Христа.]. В любом случае, напоминая постоянно Гегеля (имея в виду главным образом верхненемецкую и фламандскую живопись), мы видим триумф уродства в изображении гонителей Христа.

Недавно кто-то обратил мое внимание на то, что на знаменитой картине Босха, посвященной страстям Христовым (и хранящейся в Генте), среди жутковатой толпы палачей присутствует парочка таких, что многие нынешние рокеры и их молодые подражатели просто обзавидовались бы: у одного двойной пирсинг на подбородке, а у второго по всему лицу натканы разные металлические побрякушки. Разница в том, что Босх стремился таким образом передать их

злодейские наклонности (предваряя убеждение Ломброзо[70 - Чезаре Ломброзо (1835–1909) – итальянский врач-психиатр, прославившийся книгой «Гениальность и помешательство» (1863).], что тот, кто делает татуировки или еще как-то меняет свое тело, – прирожденный преступник), тогда как сейчас мы можем с отвращением глядеть на отроков и отроковиц с бусинкой в языке, но было бы по меньшей мере статистически неверно считать их генетически ущербными.

Если же задуматься, что многие из этих же самых подростков обмирают по «классической» красоте Джорджа Клуни или Николь Кидман[71 - Джордж Клуни (р. 1961) и Николь Кидман (р. 1967) – известные голливудские звезды.], становится ясно, что они в точности повторяют своих родителей, которые, с одной стороны, покупают автомобили и телевизоры, чей дизайн отвечает ренессансному закону божественной пропорции, или толпами валят в Уффици, чтобы испытать синдром Стендаля, а с другой – балуются фильмами в жанре «мочилово» с разбрызганными по стенам мозгами, покупают своим детишкам динозавров и прочих монстриков и ходят на перформансы художников, протыкающих себе ладони, истязаяющих конечности и калечащих гениталии.

Ни отцы, ни дети вовсе не отвергают прекрасное напрочь, не выбирают лишь то, что в прежние века считалось чудовищным. Такое было разве что с футуристами, когда они, шокируя обывателей, призывали: «Не бойтесь уродства в литературе», а Палаццески (в «Противоболи» 1913 года) предлагал учить детей здоровому отношению к уродству, давая им в качестве обучающих игрушек «кукол, изображающих горбунов, слепцов, больных гангреней, проказой и сифилисом; пусть эти механические куклы плачут, кричат, стенают; пусть страдают от эпилепсии, чумы, холеры, ран, геморроя, триппера, безумия; пусть теряют сознание, хрипят, умирают»[72 - Цит. по: Альдо Палаццески. Кодекс Перела. Противоболь. Поэзия / Пер. А. Ямпольской. М.: Река Времен, 2016.]. Просто сейчас люди в одних случаях наслаждаются прекрасным (в его классическом виде) и в состоянии распознать красивого ребенка, красивый пейзаж или красивую греческую статую, а в других – получают удовольствие от того, что еще вчера воспринималось как нестерпимо уродливое.

Более того, иногда уродство избирается моделью для новой красоты, как это случилось с «теорией» киборгов. И если в первых романах Гибсона (на сей раз Уильяма[73 - Уильям Форд Гибсон (р. 1948) – американский писатель-фантаст.] – очевидно, что *nomina sunt numina*[74 - Имена суть божества (лат.).]) персонаж, у которого часть органов заменили механическими или электронными

устройствами, мог еще восприниматься как жутковатое пророчество, то нынче некоторые радикальные феминистки предлагают преодолеть различия между полами, создав нейтральные (посторганические и «трансчеловеческие») тела, и Донна Харауэй[75 - Донна Харауэй (р. 1944) – американский философ, одна из основоположниц киберфеминизма, автор эссе «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х» (1985) и многочисленных работ по эпистемологии и квир-теории.] выступает с лозунгом «я скорее буду киборгом, чем богиней».

По мнению некоторых, это означает, что в постмодернистском мире совершенно размылась разделительная грань между прекрасным и уродливым. Куда там ведьмам из «Макбета» с их «Зло есть добро, добро есть зло». Оба понятия попросту слились воедино, утратив всякое своеобразие.

Но так ли это? А вдруг некоторые закидоны людей искусства и молодежи лишь маргинальные явления и те, кто с ними носит, составляют меньшинство по сравнению со всем населением земного шара? По телевизору мы видим умирающих от голода детей, похожих на скелетики с распухшими животами, слышим про изнасилованных солдатами женщин, узнаем, что кого-то подвергли пыткам, а с другой стороны, перед глазами без конца всплывают не такие уж давние воспоминания о других живых скелетах, обреченных на смерть в газовой камере. Мы видим тела, которые буквально вчера разорвало на куски при взрыве небоскреба или падении самолета, и живем в страхе, что завтра такое может случиться и с нами. Каждый прекрасно чувствует, что все это ужасно и уродливо, и никакое понимание относительности эстетических категорий не может убедить нас переживать эти картины как объект наслаждения.

А раз так, то, возможно, киборги, Нечто из иного мира, фильмы-«мочиловы» и фильмы-катастрофы лишь поверхностные проявления, раздутые массмедиа, отчаянная попытка заглянуть куда более страшное и глубокое уродство, осаждающее нас со всех сторон, проигнорировать его, сделать вид, что это все понарошку.

Тринадцать лет, прожитых зря

Позавчера бравший интервью журналист спросил меня (многие об этом спрашивают), какая из прочитанных книг больше всего на меня повлияла. Если бы за всю мою жизнь нашлась всего одна книга, которая бы однозначно повлияла на меня больше всех остальных, я был бы просто идиотом – как и многие из тех, кто отвечает на этот вопрос. Есть книги, сыгравшие решающую роль в мои двадцать лет, и другие книги, определившие меня в тридцать, и я с нетерпением жду книгу, которая потрясет меня в сто лет. Еще один вопрос, на который невозможно ответить: «Кто преподавал вам самый важный урок?» Я всякий раз теряюсь, потому что (если только не сказать «папа с мамой») на каждом витке моего существования кто-нибудь чему-нибудь меня да учил. Это могли быть люди из моего окружения или дорогие сердцу усопшие – как, например, Аристотель, Фома Аквинский, Локк или Пирс.

В любом случае о нескольких уроках, полученных не из книг, я могу с уверенностью сказать, что они изменили мою жизнь. Первый преподавала мне чудесная синьорина Беллини, учившая нас в пятом классе, которая задавала нам на дом ключевые слова (например, «курица» или «судно»), и, отталкиваясь от них, надо было написать рассуждение или рассказ. Однажды черт меня дернул заявить, что я произнесу экспромтом речь на любую тему, какую она мне задаст. Она окинула взглядом кафедру и сказала: «Блокнот». Задним умом я понимаю, что мог бы рассказать о блокноте журналиста, о путевом дневнике исследователя из книжек Сальгари[76 - Эмилио Сальгари (1862-1911) – знаменитый итальянский писатель, автор исторических и приключенческих романов.], но вместо этого я уверенно вышел к доске и не смог произнести ни слова. Так синьорина Беллини научила меня, что никогда не надо быть самонадеянным.

Второй урок преподавал мне дон Чели, монах-селезианец, который научил меня играть музыку: сейчас его, кажется, хотят канонизировать, хотя и не по этой причине – скорее напротив, адвокат дьявола мог бы вменить это ему в вину. 5 января 1945 года я пришел к нему, сияя, как новенький пятак, и заявил: «Дон Чели, а мне сегодня тринадцать лет исполнилось». «Прожитых совершенно зря», – ответил он ворчливо. Что хотел он сказать этой репликой? Что, раз уж я достиг столь почтенного возраста, мне следовало подвергнуть свою совесть беспощадному анализу? Что зря я ждал похвалы лишь за то, что исполнил свой биологический долг? Возможно, это было обычное проявление пьемонтского чувства уместного, отказ от пафоса, не исключено даже, что это было сердечное

поздравление. Но подозреваю, дон Чели знал, и передал это знание мне, что учитель должен всегда держать учеников в напряжении, а не захваливать сверх меры.

Усвоив урок, я всегда крайне скупно хвалил тех, кто ждал от меня похвалы, не считая исключительных случаев и свершений паче чаяния. Возможно, таким поведением я причинил кому-то боль, и, если так, значит, я прожил зря не только первые тринадцать лет, но и все первые шестьдесят шесть. Но я однозначно решил, что самым явственным выражением моего одобрения должно быть отсутствие критики. Если критиковать не за что, значит, работа сделана на совесть. Меня всегда раздражали эпитеты наподобие «добрый папа» или «неподкупный Дзакканьини», поневоле наводящие на мысль, что все остальные понтифики были злыми, а политики – продажными. Иоанн XXIII и Дзакканьини просто-напросто делали то, что должны были делать, и непонятно, с какой стати их еще за это особо восхвалять.

Но из ответа дона Чели я вынес еще и то, что не надо много о себе мнить, что бы я ни сделал и как бы правильно ни поступил, а главное – поменьше задаваться перед окружающими. Значит ли это, что не надо стремиться к лучшему? Разумеется нет, но неким странным образом ответ дона Чели отсылает меня к высказыванию Оливера Уэнделла Холмса – младшего[77 - Оливер Уэнделл Холмс – младший (1841-1935) – американский юрист.], вычитанному мною уже не помню где: «Секрет моего успеха в том, что я еще в молодости обнаружил, что я не бог». Очень важно понимать, что ты не бог, всегда сомневаться в своих действиях и считать, что прожил отведенные тебе годы не слишком хорошо. Только это даст тебе шанс, может быть, лучше прожить оставшиеся.

Вы спросите меня, почему все это вспомнилось мне именно сейчас, когда началась предвыборная кампания, а значит, если хочешь добиться успеха, надо немножко строить из себя Господа Бога, то есть говорить о содеянном, как Творец на седьмой день творения, что это *valde bona*[78 - Хорошо весьма (лат.)], и демонстрировать некоторую степень мании величия, уверяя в своей несомненной способности сделать еще лучше (тогда как Господь удовлетворился тем, что создал лучший из возможных миров). Я, упаси боже, не морализирую, именно так и надо вести предвыборные кампании – представляете себе кандидата, который придет к избирателям и скажет: «До сих пор я занимался сплошной фигней и не уверен, что в будущем у меня выйдет лучше, – могу лишь обещать, что постараюсь»? Его просто не выберут. Так что, повторяю, никакого ложного морализма. Просто, пока я слушаю теледебаты, мне все

вспоминается дон Чели.

2007

Детинушки под прицелом

Честно говоря, меня слегка удивляет, что в разгоревшейся национальной дискуссии по поводу детинушек никому не пришло в голову заглянуть в достопочтенный и авторитетнейший «Большой словарь итальянского языка» издательства UTET (известный также как «Батталья»[79 - Проект Il Grande Dizionario della Lingua Italiana был основан итальянским филологом Сальваторе Баттальяей (1904–1971) в 1961 году. Издание словаря (21 том) было завершено лишь в 2002 году.]). Там мы бы обнаружили, что если под «дитятей» (bamboccio) подразумевается «ребенок, с шутливо-ласкательным оттенком; пухлый ребенок, слегка неловкий и неуклюжий, не обладающий еще речью и разумом, фактически вещь, игрушка», то для варианта «детинушка» (bamboccione) приводится целый ряд примеров из классической литературы, в частности, по словам Томмазо – Ригутини[80 - Tommaseo N. Dizionario dei sinonimi della lingua italiana. Nuova edizione riveduta et augmentata da G. Rigutini. Milano, 1850.], «говоря “детинушка”, я имею в виду тела не столько исполинские, сколько дебелые... не бывает детинушки без хорошей лоснящейся ряхи», а Бальдини пишет: «Все теперь живут в свое удовольствие: вы, Бертольдино, сноха Менегина и милый наш детинушка Какасенно».

Что касается Какасенно, то в написанном Банкьери продолжении классического крочевского «Бертольдо и Бертольдино» читаем: «Какасенно был в обхвате широк, лоб у него был крохотный, глаза как площадки, брови косматые, нос острый, губы тонкие, и с виду он был ни дать ни взять страхолюдина, иначе говоря – уродец».

Довелось ему сесть на коня: «Какасенно, не будь промах, левую ногу вдел в правое стремя и, забравшись на коня, оказался лицом к конскому седалищу, так что Эрминий чуть со смеху не лопнул, да как его ни уговаривал, Какасенно ни в какую слезать не желал».

Приезжает он к королю: «Придворные конюшие подняли занавесь, и вошел Какасенно, неся деревянную дверь на плечах. Король с королевой при виде столь блистательного явления так со смеху и покатались, глядя на такое чудачество, но пуще всех удивлена была Маркольфа; и тогда придворный мажордом, который при том присутствовал, едва оправившись от смеха, так сказал их величествам: “Да будет Вашим Величествам известно, что, поднимаясь по дворцовой лестнице, когда Маркольфа уже в залу входила, сказал этот детина одному из конюших, что надобно ему отлить. Засим отвели его, с вашего позволения, в нужное место, и когда он оттуда выходил, то не притворил за собой дверь, и я, видя такое, сказал ему так: “Отрок, потяни за собой дверь, а то напустишь смрада”, – и тогда он, сняв дверь с петель, потащил за собой, и в таком виде мы к вам его и впустили”.

Спрашивает король: “Скажи мне, Какасенно, зачем ты тащишь за собой эту дверь?” Тот отвечает: “А вам-то что за дело?” Король ему в ответ: “А такое дело, что я хозяин этому дому”. Какасенно тогда говорит: “Ну раз вы этому дому хозяин, то, стало быть, и дверь эта ваша – скажите, что мне с нею делать”. Король ему: “Отпусти ее”. Какасенно тогда говорит: “Дверь, пошла прочь, хозяин тебя отпускает; пошла прочь, говорю, уж больно ты тяжелая, сил моих нет на плечах тебя таскать”. После чего Маркольфа, “сняв с его плеч дверь, велела Какасенно поклониться королю и королеве и, исполнив земной поклон, поцеловать обоим руку; тогда Какасенно, ни дать ни взять новый Кабалао, со всем изяществом распростерся на земле и говорил так: “О, мессеры, вот я вам кланяюсь до земли, как сказала моя бабушка, вложите мне вашу руку в рот, да я ее поцелую; идите же, я жду”».

Если считать Какасенно детинушкой, тогда многие из тех, кого так называл Падоа-Скьоппа[81 - Томмазо Падоа-Скьоппа (1940–2010) – итальянский банкир и государственный деятель, министр экономики и финансов Италии (2006–2008).], под это определение не подпадают. И если кто-то в тридцать лет еще живет с родителями и берет у них машину, чтобы в субботу вечером съездить на дискотеку (и, возможно, разбиться в три ночи на автостраде), то, вероятно, он похитрее, чем Какасенно, и в любом случае поступает так оттого, что никто не предоставил ему работу, а значит, вину следует возложить на общество.

Это факт. Как бы там ни было, по работе мне приходится много общаться с молодежью, и я знаю немало молодых людей, которые, чтобы иметь возможность учиться, лезут из кожи вон, лишь бы получить стипендию и/или какую-нибудь подработку, и вскладчину с друзьями снимают жилье, селясь

порой по четверо в комнате, так что поневоле задаешься вопросом, почему в наших мелких фирмах работает столько иммигрантов, почему столько иммигрантов устраиваются курьерами и развозят посылки, злостно занимая (как выразились бы члены «Лиги») рабочие места, причитающиеся нашим тридцатилетним, живущим с родителями.

Очевидный ответ заключается в том, что у этих тридцатилетних есть аттестат зрелости или диплом бакалавра (таким своеобразным словечком называют нынче тех, кто отучился в университете три года) и, значит, работать курьерами им не по чину. Однако же во всех биографиях великих американских писателей или политиков говорится, что, даже отучившись, они, пока к ним не пришла слава, преспокойно чистили обувь, мыли посуду или продавали газеты. Почему американцы так могут, а итальянцы нет? А может, Падоа-Скьоппа в чем-то и прав и доблестные политики из числа правых и левых, выразившие возмущение его словами, могут по-прежнему набирать голоса среди детинушек (которые, будучи детинушками, теперь, возможно, и не голосуют)?

2007

Жил да был Черчилль

В номере L'Internazionale за начало марта я прочел заметку, где говорилось, что, согласно проведенному в Великобритании исследованию, около четверти англичан считает Черчилля вымышленным персонажем и то же самое касается Ганди с Диккенсом. При этом многие из опрошенных (сколько – не уточняется) поместили в разряд реально существовавших личностей Шерлока Холмса, Робин Гуда и Элинон Ригби.

Моей первой реакцией было – не будем драматизировать. Прежде всего, хотелось бы знать, к какому социальному слою относится та четверть, у которой нет четкого представления о Черчилле и Диккенсе. Если бы опросили лондонцев времен Диккенса – знакомых нам по гравюрам Доре или жанровым сценкам Хогарта, жителей лондонских трущоб, – то по меньшей мере три четверти из этих людей, грязных, изможденных и голодающих, не смогли бы ответить, кто такой Шекспир. Точно так же меня не удивляет, что реальными людьми считают

Холмса и Робин Гуда: первого потому, что существует целая холмсовская индустрия и в Лондоне даже водят экскурсии в якобы его квартиру на Бейкер-стрит, а второго – потому, что персонаж, послуживший прообразом легендарного Робин Гуда, существовал на самом деле (единственная фантастическая его черта состоит в том, что в эпоху феодализма деньги отнимали у богатых, чтобы раздать их бедным, тогда как с приходом рыночной экономики отнимают у бедных и отдают богатым). С другой стороны, я в детстве был уверен, что Буффало Билл – это вымышленный персонаж, пока отец не рассказал мне, что он не только существовал на самом деле, но что отец сам его видел, когда тот, подавшись на заработки с легендарного Дикого Запада в пьемонтскую провинцию, проезжал со своим цирком через наш город.

Верно, впрочем, и то – мы замечаем это, адресуясь с вопросами к нашей молодежи, не говоря уж об американской, – что представление даже о недавнем прошлом у людей весьма смутное. Я читал, что, судя по опросам, находятся те, кто считает Моро членом «Красных бригад», Де Гаспери – главой фашистов, Бадольо – партизаном[82 - Альдо Моро (1916–1978) – итальянский политик, председатель Совета министров Италии в 1963–1968 и 1974–1976 годах, убитый «Красными бригадами»; Альчиде Де Гаспери (1881–1954) – итальянский христианско-демократический политик, премьер-министр Италии в 1945–1953 годах; Пьетро Бадольо (1871–1956) – итальянский политик, премьер-министр, который принял власть над страной после свержения Муссолини в 1943 году, объявил нейтралитет и вывел Италию из Второй мировой войны.]. Кто-нибудь скажет: столько времени прошло, зачем восемнадцатилетним ребятам знать, кто правил страной за полвека до того, как они родились? Ну что ж, может быть, фашистская школа слишком активно вдальбливала нам это в голову, но я в десять лет помнил, что премьер-министром во времена «Похода на Рим»[83 - «Поход на Рим» (итал. Marcia su Roma) – марш Национальной фашистской партии 27–30 октября 1922 года во главе с Бенито Муссолини, который позже, вопреки Альбертинскому статуту, был назначен премьер-министром Италии.] (двадцатью годами ранее) был Факта, а в восемнадцать вдобавок знал, кто были Раттацци и Криспи[84 - Луиджи Факта (1861–1930) – итальянский политик и государственный деятель, который был последним председателем Совета министров Италии до насильственного захвата государственной власти фашистами под руководством Бенито Муссолини, в результате «Похода на Рим»; Урбано Раттацци (1808–1873) и Франческо Криспи (1818–1901) – итальянские политики и государственные деятели.], а ведь это уже предыдущий век.

Дело в том, что изменились наши отношения с прошлым, и, по-видимому, это затронуло и школу. Когда-то мы горячо интересовались прошлым, потому что в

настоящем новостей было не так уж и много – достаточно вспомнить, что в газете все они помещались на восьми страницах. Благодаря средствам массмедиа на нас обрушился вал информации о настоящем, и вдобавок через интернет я могу отслеживать миллионы событий, происходящих прямо сейчас (включая самые незначительные). Прошрое, о котором говорят нам массмедиа, – будь то деяния римских императоров или Ричарда Львиное Сердце, да даже события Первой мировой – доходит до нас (через Голливуд и сопутствующую ему индустрию) вместе с лавиной информации о настоящем, так что очень маловероятно, что потребитель фильма сумеет уловить временную разницу между Ричардом Львиное Сердце и Спартакoм. Аналогичным образом расплзается или по крайней мере теряет осязаемость граница между вымыслом и реальностью: сами посудите, с какой стати подросток, когда смотрит фильм по телевизору, должен держать в голове, что Спартак был на самом деле, а Виниций из Quo vadis?[85 - Quo vadis? – роман польского писателя Генрика Сенкевича (1846–1916), изданный в 1896 году. В русском переводе роман известен под названием «Камо грядеши».] – нет; графиня ди Кастильоне[86 - Графиня ди Кастильоне (1837–1899) – знаменитая куртизанка и фотомoдель.] – историческое лицо, а Элиза ди Ривомброза[87 - Элиза ди Ривомброза – персонаж итальянского исторического телесериала 2003 года.] – нет; что Иван Грозный реален, а Минг, тиран с планеты Монго, – нет, если они так мало чем отличаются друг от друга.

В американской культуре это расплывание прошлого настоящим переживается на удивление беззаботно: вам даже может попасться профессор философии, уверяющий, будто, дескать, совершенно неважно, что говорил Декарт о нашем образе мышления, поскольку то, что интересует нас сейчас, – это последние открытия в области когнитивистики. При этом люди забывают, что когнитивистика достигла того, чего достигла, отчасти именно потому, что философами XVII века были подняты определенные темы, а главное – люди не желают учиться на опыте прошлого.

Многие считают старинное изречение, что, мол, история – учительница жизни, банальностью в духе наивного морализаторства, но, если бы Гитлер внимательно проштудировал русскую кампанию Наполеона, он бы не попался в ту же ловушку, и, если бы Буш хорошо изучил военные действия англичан в Афганистане в девятнадцатом столетии (да чего там, хотя бы самую последнюю войну советских войск с талибами), он бы иначе повел свою афганскую кампанию.

Может показаться, что между придурком-англичанином, полагающим, что Черчилль – это вымышленное лицо, и Бушем, который отправляется в Ирак в уверенности, что дней за пятнадцать справится, – дистанция огромного размера, но это не так. Перед нами все то же явление исторической близорукости.

2008

Как убивать молодежь к обоюдной выгоде

В прошлом номере L'Espresso я развлекался, воображая, какие последствия, особенно в сфере дипломатии, может иметь новый курс на прозрачность, провозглашенный WikiLeaks. Мои измышления относились скорее к разряду научной фантастики, но исходили из той бесспорной предпосылки, что если самые закрытые и секретные архивы становятся общедоступны, то что-то явно должно измениться – хотя бы методы хранения информации.

Тогда почему бы, опять-таки в преддверии нового года, не попытаться провести еще одну экстраполяцию неоспоримых фактов, доведя ее накал до апокалиптического? В конце концов, Иоанн Богослов стяжал себе этим бессмертную славу, и до сих пор, какая бы беда ни случилась, нас так и подмывает заявить, что это сбываются его предсказания. Так что стану-ка я самовыдвиженцем во вторые провидцы с острова Патмос.

По крайней мере в нашей стране (ею и ограничимся) стариков по сравнению с молодежью становится все больше. Раньше умирали в шестьдесят лет, теперь – в девяносто, стало быть, лишних тридцать лет получают пенсию. Пенсия эта, как известно, платится из кармана молодых. Но поскольку старики такие настырные и вездесущие, что стоят у руля множества государственных и частных учреждений и не отдают бразды правления по крайней мере до первых признаков старческого маразма (а во многих случаях и после), то молодежь работы не находит, а значит, не в состоянии заработать на оплату пенсий старикам.

В такой ситуации, даже если государство выбросит на рынок облигации под привлекательный процент, у иностранных инвесторов они уже не вызовут доверия, так что денег на пенсии не будет. При этом надо учесть, что если молодые люди не могут найти работу, то выходит, что содержать их должны родители или деды-пенсионеры. Трагедия.

Первое решение – самое простое. Молодежь начнет составлять списки подлежащих ликвидации, внося туда бездетных стариков. Но этого будет недостаточно, и, поскольку инстинкт самосохранения – штука серьезная, молодым придется, скрепя сердце, устранять и стариков, имеющих потомство, – иными словами, свою же родню. Это будет нелегко, но привыкнуть можно. Стукнуло шестьдесят? Никто не вечен, папаша, мы всей семьей придем на вокзал, проводить тебя в последний путь до лагеря смерти, внучата помашут ручкой и скажут: «Пока». Если старики станут сопротивляться, развернется настоящая охота на людей в возрасте, с участием стукачей. С евреями такое уже было, так почему не может случиться с пенсионерами?

Но те из стариков, что еще у власти, что еще не вышли на пенсию, примут ли свою судьбу с легким сердцем? Прежде всего они изначально позаботятся о том, чтобы не рожать детей, дабы не произвести на свет потенциальных своих палачей, в связи с чем количество молодежи еще больше сократится. И в конце концов эти одряхлевшие акулы (и лисы) большого бизнеса, закаленные в тысячах битв, решатся, хоть и с болью в сердце, избавиться от своих же детей и внуков. Они не станут отправлять их в лагеря смерти, как поступили бы их потомки с ними, ведь для этого поколения традиционные ценности, такие как семья и родина, еще не будут пустым звуком, – вместо этого они развяжут войны, которые, как известно, взимают кровавую дань с самых юных и являются, по словам футуристов, единственной гигиеной мира.

Таким образом у нас получится страна практически без молодежи, но с тьмой тьмущей цветущих и бодрых стариков, которые воздвигают памятники павшим и прославляют доблестно отдавших жизнь за отечество. Но кто же будет зарабатывать им на пенсии? Иммигранты, которые спят и видят, как бы получить итальянское гражданство, всегда готовы вкалывать за гроши и без контракта, а нездоровые пристрастия отправляют их на тот свет еще до пятидесяти, освобождая место для новой, свежей рабочей силы.

Итак, на протяжении пары поколений десятки миллионов «посмуглевших» итальянцев будут обеспечивать благополучие элиты девяностолетних белых

господ с ядреными носами и пышными бакенбардами (дам в кружевах под вуалью), которые будут сидеть, прихлебывая whisky and soda, на верандах своих колониальных владений на берегу моря или озера, подальше от миазмов больших городов, населенных теперь одними лишь цветными zombies, что хлещут рекламируемый по телевизору отбеливатель.

К слову, о моей убежденности в том, что мир теперь пятится назад и прогресс ныне совпадает с регрессом: мы обнаружим, что оказались в ситуации наподобие той, что сложилась во времена колониальной империи в Индии, Центральной Африке или на Малайском архипелаге; и те, кто благодаря развитию медицины благополучно доживут до ста десяти, будут чувствовать себя кем-то вроде сэра Джеймса Брука[88 - Джеймс Брук (1803–1868) – первый раджа Саравака с 1841 по 1868 год из династии Белых раджей.], белого раджи Саравака, о чьей невероятной судьбе они читали в детстве в романах Сальгари.

2011

Бедные берсальеры

Коллеги однажды рассказали мне, как на экзамене на степень бакалавра, неведомо как и почему, зашел разговор о теракте в Болонье и, когда возникло подозрение, что экзаменуемый понятия не имеет, о чем речь, у него спросили, помнит ли он, кого обвинили в организации теракта. И тот ответил: берсальеров[89 - Берсальеры (итал. Bersaglieri, от bersaglio – «мишень») – стрелки в итальянской армии, особый род войск, элитные высококомобильные пехотные части, созданные в 1836 году.].

Можно было ожидать какого угодно ответа, от арабских фундаменталистов до «Детей Сатаны»[90 - Вероятно, речь идет о сатанинской группе «Звери сатаны» (итал. Bestie di Satana), действовавшей в Италии и совершившей ряд жестоких убийств в 1998–2004 годах.], но берсальеры оказались полнейшей неожиданностью. Рискну предположить, что в голове несчастного всплыл смутный образ бреши, высеченной в стене вокзала в память о трагедии, и что эту картинку каким-то образом перемкнуло с другим нечетким, немногим более flatus vocis[91 - Колебание голоса (лат.).], представлением о бреши у ворот Порты

Пиа. С другой стороны, 17 марта 2011 года на вопрос телевизионных «Гиен»[92 - «Гиены» (итал. Le Iene) – сатирическая развлекательная программа, которая выходит на итальянском телевидении (Italia 1) с 1997 года.] о том, почему именно в этот день отмечается 150-летие объединения Италии, множество парламентариев и даже один глава области дали самые причудливые объяснения, упомянув от Пяти дней Милана до взятия Рима.

История с берсальерами, пожалуй, в полной мере отражает всю сложность отношений многих молодых людей с историческими фактами (и с берсальерами). Не так давно некоторые из юных опрошенных заявили, что Альдо Моро был главой «Красных бригад»[93 - Альдо Моро (1916–1978) – итальянский политик, председатель Совета министров Италии в 1963–1968 и 1974–1976 годах, убитый «Красными бригадами»]. Хотя я уже в десять лет знал, что премьер-министром Италии во времена «Похода на Рим» (то есть еще за десять лет до моего рождения) был «слабодушный Факта». Разумеется, знал я это потому, что в фашистской школе мне это талдычили каждый день, что приводит меня к мысли, что реформа Джентили была в своем роде взвешенней, чем реформа Джельмини[94 - Джованни Джентиле (1875–1944) – итальянский философ, который был председателем совета по образованию в правительстве Б. Муссолини (1926–1928); Мариастелла Джельмини (р. 1973) – итальянский юрист и политик, министр образования, университетов и научных исследований в четвертом правительстве С. Берлускони (2008–2011)]., однако не думаю, что во всем виновата школа. Полагаю, что причина в другом и виной всему последовательная цензура, с которой сталкивается сейчас не только молодежь, но и люди взрослые. Я не хотел бы, однако, чтобы слово «цензура» ассоциировалось исключительно со злостным замалчиванием: существует и цензура шумовых помех, о чем известно шпионам и преступникам из детективных фильмов – те, если им надо посекретничать, включают радио на полную громкость. Наш студент, вероятно, относился не к тем, кому говорили слишком мало, а к тем, кому говорили слишком много, и оттого был просто не в состоянии вычленивать то, что стоило помнить. Прошлое он представлял себе смутно, но не потому, что ему о нем не рассказывали, а потому, что полезные и достоверные сведения оказались перепутаны и погребены под ворохом незначительных. А из-за неконтролируемого доступа к различным источникам существует риск, что не сумеешь отличить нужную информацию от в той или иной степени бредовой.

Сейчас вовсю обсуждают, добро или зло то, что каждый нынче может отпечатать и пустить в обращение книгу, не прибегая к посредничеству издателя. Положительная сторона заключается в том, что в прошлом многие

выдающиеся писатели не получили известности из-за препон, несправедливо чинимых им издателями, не говоря о том, что свободный оборот предложений неизбежно приносит с собой ветер свободы. При этом мы прекрасно знаем, что многие книги пишутся довольно эксцентричными персонажами, что справедливо также и для многих интернет-сайтов. Если не верите, зайдите на ponciclopedia.wikia.com/wiki/Groenlandia, где сказано: «Гренландия – это остров, расположенный в той точке земного шара, которая, существуй она на самом деле, подтвердила бы гипотезу о том, что Земля квадратная. По части льда это самый многонаселенный остров в мире... Кроме того, это одно из государств Европы, по крайней мере мне так кажется, неохота лезть в атлас, так что поверьте мне на слово. Расположена она в бореиском полушарии, в Северной Бореи».

Ну и как может мальчишка заподозрить, что автор этой статьи шутит, решить, что это чересчур экстравагантный персонаж или что в некотором роде он говорит правду? То же самое касается книг. Маловероятно, что издательство вздумает опубликовать подобные тексты, не пояснив на обложке или на ее клапане, что перед нами сборник веселых парадоксов. А что, если не останется больше никакого посредника, который подсказал бы нам, стоит ли воспринимать книгу всерьез?

2011

Два приятных сюрприза

Безутешные коллеги рассказывают, что на экзамене на степень бакалавра одному из студентов попалось имя Нино Биксио[95 - Нино Биксио (1821-1873) – военачальник и политик, участник Рисорджименто и сподвижник Дж. Гарибальди.] и он прочел его как Нино Биперио, поскольку повальное распространение СМС-сленга убедило его, что X всегда читается как per. Что наводит на меланхолические раздумья: «Чему их учат в средней школе? А может, и впрямь упразднить государственные школы, оставив одни только частные?» Не считая того, что наряду с образцовыми частными школами найдется немало и таких, что специализируются на проталкивании кретинов из обеспеченных семей, действительно ли наша система образования идет ко дну?

В середине марта мне пришлось съездить в Альбенгу на премию *C'era una svolta*. Премия была учреждена в рамках местного конкурса государственным лицеем имени Джордано Бруно, но за четырнадцать лет превратилась в общенациональную (в этом году в конкурсе участвовали около тысячи двухсот учащихся старших классов тридцати восьми школ из двадцати девяти провинций). Каждый год кого-нибудь из писателей просят начать рассказ, который участники должны продолжить (прямо в классе, в очень жестких условиях), затем анонимные работы оценивает сначала внутреннее жюри, затем внешнее, и, наконец, после нескольких этапов отсева приглашенному автору достаются пять финалистов, среди которых он должен выбрать лучшего.

В этом году автором был я и для забавы предложил в качестве затравки рассказ о собрании кружка безумных литераторов, задавших целью дописать начало и конец к признанному самым коротким в мире рассказу Аугусто Монтерросо, где говорится: «Когда он проснулся, динозавр все еще был там».

Не исключено, что из тысячи двухсот представленных рассказов некоторые имели сомнительную ценность (хотя члены обоих жюри и признавались, что выбор был очень трудным), но несомненно то, что пять рассказов, представленных мне на суд, поставили меня в тупик, так что мне захотелось решить вопрос жребием, – все пять оказались образчиками отличной прозы. Я хочу сказать, что они были написаны в чрезвычайно зрелой манере, так что многие профессиональные писатели не погнушались бы поставить под этими текстами свою подпись. Желющие убедиться могут прочесть пять рассказов-финалистов в ближайшем номере *Alfabeta*. По-моему, это несомненный триумф. И речь не об одной школе, а о тридцати как минимум – от Гориции до Сицилии с Сардинией.

Второй сюрприз преподнес мне лицей имени Мельхиора Джойи из Пьяченцы – проект, над которым год трудились ученики двух выпускных классов из классического и естественно-научного лицеев. Это экземпляр газеты (сорок четыре превосходно исполненные цветные страницы), которая версткой напоминает *La Repubblica*, но озаглавлена *Il Tricolore*, стоит пять центезимо в Милане и семь – за его пределами и датирована понедельником 18 марта 1861 года.

В ней, естественно, сообщается о свершившемся объединении страны, номер открывают статьи Кавура, Каттанео, Мадзини, речь Виктора Эммануила к

парламенту, приводится выступление Джозуэ Кардуччи, вспоминают Мамели, говорят о визите Андерсена в Милан, размышляют о законе Казати и предложениях нового министра народного просвещения Де Санктиса, отдают дань тому факту, что Линкольн был избран недавно президентом Соединенных Штатов, а Вильгельм I взошел на трон Пруссии, культурные странички посвящены Кристине Бельджойозо и Айецу, а также свежей полемике по поводу бодлеровских «Цветов зла», упоминается о гибели Ньюво, помещена рецензия на «Карбонариев в горах» Верги, не забыты, разумеется, и Верди, мода тех лет и выход третьего издания «Происхождения видов» Дарвина, и под конец – репортаж из Ливерпуля под заголовком «Футбол – игра без будущего». Рекламные вставки прелестны.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Зигмунт Бауман (1925–2017) – британский социолог польского происхождения. Оригинальное издание: Bauman Z. State of crisis. Polity, 2014. См. также русский перевод: Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. (Здесь и далее – примечания переводчиков и редактора.)

2

Карло Бордони (р. 1946) – итальянский социолог.

3

«Красные бригады» (итал. *Brigate Rosse*) – подпольная леворадикальная террористическая организация, действовавшая в Италии в 1970–80-х годах.

4

Операизм – разновидность марксизма, течение итальянской мысли шестидесятых годов XX века. Оспаривая традиционную марксистскую ценность «освобожденного труда», операисты считали, что общество неотчужденного, свободного труда невозможно в рамках индустриального конвейера (фордизма). Фордизм должен уступить место обществу, основанному на приоритете информационных технологий. Для того чтобы вынудить капитал развить новые технологии, необходимо отказываться от работы в рамках фордизма. Лозунгом того времени стало «Меньше работы, больше оплаты!».

5

Речь идет о работе Карлоса Кастанеды «Учение дона Хуана: Путь познания индейцев племени яки», опубликованной в 1968 году. Дон Хуан использовал психотропные и галлюциногенные растения в качестве помощи при обучении.

6

В странах «третьего мира» популистские режимы получили в XX веке широкое распространение. Популизм часто выступал разновидностью национал-реформизма, направленного на решение проблем экономической модернизации при отсутствии либо слабости механизмов парламентской демократии (Бразилия, Аргентина, Египет, Гана и другие).

«Битва в Сиэтле» стала первым проявлением антиглобализма в США в декабре 1999 года. Массовая акция протеста была связана с прохождением конференции ВТО в городе Сиэтл и направлена против политики экономической глобализации. Эта антиглобалистская акция вызвала по-настоящему большой резонанс в обществе и спровоцировала демонстрации во многих странах. С этого момента по всему миру начинают формироваться антиглобалистские движения и организации.

Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955) – французский католический философ и богослов.

Джордж Оруэлл (1903–1950) – британский писатель и публицист. Наиболее известен как автор культового антиутопического романа «1984» и повести «Скотный двор»; Олдос Леонард Хаксли (1894–1963) – английский писатель, новеллист и философ. Автор известного романа-антиутопии «О дивный новый мир».

Рарабой – неологизм, используемый для определения молодых людей, участвующих в религиозных мероприятиях, на которых присутствует папа. Термин был придуман итальянскими СМИ летом 2000 года в связи с проведением в Риме Всемирного дня молодежи (итал. Giornata mondiale della gioventù), католического съезда, имеющего праздничный характер и ориентированного на

молодых людей со всего мира, независимо от их вероисповедания.

11

Иоанн Павел II (до интронизации Кароль Юзеф Войтыла, 1920–2005) – папа римский, драматург, поэт, педагог. Канонизирован 27 апреля 2014 года.

12

New Age (англ. буквально «новая эра») – общее название совокупности мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера. Отличается от традиционных религиозных движений тем, что не представлен каким-то одним определенным духовным учением или религиозным воззрением (сектой, общиной, традицией, школой), а включает в себя множество (иногда на практике очень мало совместимых) различных учений, практик и концепций. Нередко позиционирует свои учения не как религиозные, а как культурологические, оздоровительные, просвещенческие, образовательные или спортивные.

13

Монсиньор Эммануэль Милинго (р. 1930) – католический архиепископ из Лусаки (Замбия), прославившийся своими сомнительными достижениями в области врачевания и изгнания бесов. В 2001 году официально перешел в секту преподобного Муна и в мае того же года сочетался браком с сектанткой Марией Сунг. Был лишен сана, что не помешало ему претендовать на совершение таинств, а в 2006 году монсиньор Милинго даже произвел в епископы четырех священников, причем женатых.

14

Встроенное упорядоченно-организованное устройство знаний (англ.).

15

Пролистать, просмотреть (англ.).

16

Портативное приспособление для кратких личных записей с возможностью их стирания (англ.).

17

Филипп Старк (р. 1949) – известный французский промышленный дизайнер, дизайнер интерьеров и потребительских товаров серийного производства.

18

Чарлз Бэббидж (1791–1871) – английский математик, изобретатель первой аналитической вычислительной машины.

19

BLOB (англ. пятно, капля) – сатирическая программа на итальянском телевидении, выходит с 1989 года. Представляет собой иронически-саркастический монтаж из телевизионных сюжетов и любительских видеороликов. Анджело Гульельми, создатель программы, связывает ее название с американским фильмом ужасов «Капля» (The Blob).

20

Pay-TV (англ. платное телевидение) – телевизионные каналы и услуги, за пользование которыми взимается плата.

21

Гульельмо Маркони (1874–1937) – итальянский радиотехник и предприниматель, известный всему миру благодаря своим изобретениям в области беспроводной связи. Считается одним из изобретателей радио. Лауреат Нобелевской премии по физике за 1909 год; Антонио Меуччи (1808–1889) – итальянский ученый, изобретатель телефона.

22

См.: Умберто Эко. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / Пер. с итал. Е. Костюкович. – М.: Эксмо, 2007.

23

Windows Vista – операционная система семейства Windows NT корпорации Microsoft. Выпущена 30 января 2007 года. Предшественником была Windows XP, а следующей ОС в линейке – Windows 7.

24

Elea 9003 – первая ЭВМ, выпущенная в 1959 году в Италии компанией Оливетти (Olivetti), крупнейшим производителем офисной техники.

25

Даунгрейд (англ.) – использование старого аппаратного или программного обеспечения. Выступает в противовес апгрейду (модернизации устройства). Также даунгрейд может рассматриваться как переход на более ранние версии аппаратного или программного обеспечения, например из-за наличия в новых версиях ошибок или из-за того, что старые версии удобнее и быстрее работают.

26

Джампаоло Прони (р. 1955) – итальянский философ, преподаватель семиотики в Болонском университете. Оригинальный электронный журнал Golem L'indispensabile (Голем – Насущное) основали в 1996 году Умберто Эко, Джанни Риотта и Данко Зингер. См.: www.golemindispensabile.it (дата обращения: июнь 2018 года).

27

«Конкорд» (фр. Concorde) – британо-французский сверхзвуковой пассажирский самолет, находившийся в коммерческой эксплуатации с 1976 года. 25 июля 2000 года при вылете из парижского аэропорта «Шарль де Голль» разбился самолет, совершавший рейс Париж – Нью-Йорк, погибло сто тринадцать человек. С 2003 года полеты «Конкордов» были прекращены.

28

Республика Сало или Итальянская социальная республика (итал. Repubblica Sociale Italiana) – марионеточное государство, образованное в сентябре 1943 года на оккупированной Германией территории Северной (и частично Центральной) Италии. Просуществовала до 25 апреля 1945 года, когда капитулировали остатки немецких войск на территории Италии.

29

Сан-Марко (итал. Reggimento «San Marco») – воинская часть морской пехоты ВМС Италии, официально учрежденная в 1919 году; черные бригады (итал. Brigate Nere) – фашистские военизированные формирования, которые действовали на севере Италии с 1943 года до конца Второй мировой войны в период существования Итальянской социальной республики.

30

«Балилла» (итал. Opera Nazionale Balilla, ONB) – фашистская молодежная организация, существовавшая в Италии в 1926–1937 годах. Название происходит от прозвища Джована Баттисты Перассо, мальчика из Генуи, который в 1746 году бросил камень в австрийского солдата и этим начал восстание против австрийских войск, оккупировавших город. Образ Перассо использовался фашистской пропагандой как пример патриотического поведения для итальянских детей. «Маленькая итальянка» (итал. Piccola Italiana) – детская

организация в период фашизма, куда входили девочки в возрасте от восьми до четырнадцати лет.

31

Во многих начальных школах в Италии ученики обязаны носить в качестве школьной формы черный халат (девочки) и укороченный халат (мальчики), часто дополняемый белым воротничком.

32

Аллюзия на роман Марселя Пруста «В сторону Свана».

33

Гоццано Гвидо (1883–1916) – один из крупнейших итальянских лириков XX века. Возглавлял поэтическую группировку, иронически названную *crepuscolari* (сумеречники), из среды которой вышли такие поэты, как Марино Моретти и Фаусто Мартини. В своих произведениях анализирует подсознательное и всплывающие в нем потоки ассоциаций, подобно тому как это делал в прозе Марсель Пруст.

34

«Рим – открытый город» (итал. *Roma, città aperta*) – кинофильм режиссера Роберто Росселлини 1945 года, считается эталоном и отправной точкой в развитии итальянского неореализма. Действие фильма происходит в 1944 году в

Риме.

35

La difesa della razza («В защиту расы») – журнал, выходивший в Италии с 1938 по 1943 год. Главной целью его было псевдонаучное обоснование превосходства арийской расы над всеми остальными.

36

«Похитители велосипедов» (итал. Ladri di biciclette) – драма Витторио де Сики 1948 года, ставшая классикой итальянского неореализма и мирового кинематографа в целом. Действие происходит в послевоенной Италии 1940-х годов.

37

Чезаре Беккариа Бонесано (1738–1794) – итальянский мыслитель, публицист, правовед, экономист и общественный деятель эпохи Просвещения. Одним из первых в Европе выступил за отмену смертной казни и других наиболее жестоких наказаний.

38

Maotresse (фр.) здесь: хозяйка борделя.

Роберто Лейди (1928–2003) – итальянский музыковед, специалист по этнической музыке.

Марш Радецкого – марш, написанный Иоганном Штраусом – старшим в честь фельдмаршала графа Радецкого в 1848 году. Одно из самых знаменитых произведений Штрауса. Йозеф Радецкий (1766–1858) – австрийский военачальник и государственный деятель, отличился в австро-итальянской войне (также известна как Первая война за объединение Италии) против австрийского господства, начавшейся в условиях общеевропейской революции 1848 года. Радецкий в должности вице-короля Ломбардо-Венецианского королевства водворил при помощи жестких мер спокойствие в Италии. Фигура Радецкого крайне неоднозначно оценивается в итальянской историографии.

Граф Камилло Бенсо ди Кавур (1810–1861) – итальянский государственный деятель, премьер-министр Сардинского королевства, сыгравший исключительную роль в объединении Италии, первый премьер-министр Италии; Ирредентист – член или сторонник партии ирредентистов, программным требованием которой было воссоединение Италии по этнографическому и лингвистическому признаку.

Карло Пизакане (1818–1857) – итальянский революционер, деятель Рисорджименто; Энрико Тотти (1882–1916) – итальянский патриот, в годы Первой

мировой войны добровольно пошел сражаться в отряд берсальеров, хотя и не подлежал призыву, поскольку в результате несчастного случая лишился ноги, когда работал механиком на железной дороге.

43

Умберто Босси (р. 1941) – итальянский политик, лидер и идеолог партии «Лига Севера», стремящейся добиться автономии и независимости северных провинций Итальянской Республики.

44

Порта Пиа (лат. Porta Pia) – ворота в северо-восточной части Аврелиановой стены Рима, последний архитектурный проект Микеланджело. 20 сентября 1870 года через брешь в стене рядом с ними в Рим вошли передовые отряды берсальеров. Это событие ознаменовало собой завершение Рисорджименто. В 1932 году на площади перед воротами был воздвигнут памятник берсальерам; в соседнем здании разместился посвященный им музей с гробницей национального героя Энрико Тотти.

45

Пальмиро Микеле Никола Тольятти (1893–1964) – генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии; Латеранские соглашения (1929) – система договоров, урегулировавшая разногласия между итальянским государством и Святым престолом.

46

Квалюнквизм – недолговечное политическое движение, существовавшее в Италии в послевоенный период. Отрицает или сознательно игнорирует политический аспект в социальной жизни. Название произошло от газеты L'Uomo Qualunque («Обычный человек»), с 1944 года издаваемой Гульельмо Джаннини. Обычно под термином понимается безразличное отношение к политике, «пофигизм», обывательство.

47

Палата фасций и корпораций (итал. Camera dei Fasci e delle Corporazioni) – официальное название нижней палаты итальянского парламента с 1939 года. В палате заседали «национальные советники» (Consiglieri Nazionali), а не депутаты. Советники палаты представляли не избирательные округа, а различные отрасли культуры, торговли и промышленности Италии, что было воплощением идеи фашизма о корпоративном государстве. Советники избирались не на определенный срок, а на то время, пока они были членами отрасли, от которой были избраны.

48

Alitalia – итальянская авиакомпания, крупнейший авиаперевозчик Италии, пятый по величине в Европе. Основана в 1946 году. Когда писалась эта заметка, компания находилась в глубоком кризисе. 8 августа 2014 года авиакомпания Etihad Airways (Объединенные Арабские Эмираты) объявила о приобретении всех акций у правительства Италии, тем самым приватизировав национального перевозчика страны.

49

Элеонора Дузе (1858–1924) – знаменитая итальянская актриса; Грета Гарбо (1905–1990) – шведская и американская актриса.

50

Жозефина Бейкер (1906–1975) – известная американо-французская танцовщица, певица и актриса.

51

«Фоли-Бержер» (Folies Bergère) – знаменитое парижское варьете и кабаре.

52

Сильвио Берлускони (р. 1936) – крупный предприниматель, четырежды занимал пост председателя Совета министров Италии, основатель правоцентристской партии «Вперед, Италия».

53

«Цыганка» (итал. La Zingara) – популярная в Италии телевизионная викторина, транслировавшаяся на канале RAI 1 в 1997–2002 годах.

54

Педро Альмодовар Кабальеро (р. 1949) – испанский кинорежиссер; Антония Сьюзен Байетт (р. 1936) – английская писательница; Фрэнсис Форд Коппола (р. 1939) – американский кинорежиссер; Артуро Перес-Реверте (р. 1951) – испанский писатель; Фернандо Фернандес-Саватер Мартин (р. 1947) – испанский философ и писатель; Пьетро Читати (р. 1930) – итальянский литературный критик и биограф; Клаудио Магрис (р. 1939) – итальянский писатель; Рэй Брэдбери (1920–2012) – американский писатель.

55

Хавьер Мариас (р. 1951) – испанский писатель и журналист.

56

Леле Мора (р. 1955) – скандально известный в Италии телепродюсер.

57

Стефано Бартедзаги (р. 1962) – итальянский писатель и журналист, в прошлом студент У. Эко.

58

Рита Леви Монтальчини (1909–2012) – итальянский нейробиолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1986 года; Марио Монти (р. 1943) – итальянский политик.

59

Премия «Стрега» (итал. Premio Strega) – одна из самых престижных итальянских премий (с 1947 года) в области литературы.

60

Turnaturi G. Vergogna. Metamorfosi di un'emozione. Feltrinelli, 2012; Belpoliti M. Senza vergogna. Guanda, 2010.

61

Джанроберто Казаледжо (1954–2016) – итальянский предприниматель и политик, который вместе с комиком и политиком Бeppe Грилло (р. 1948) основал движение «5 звезд». Есть мнение, что Дж. Казаледжо – подлинный автор (ghostwriter) книг Грилло, редактором блога которого он был.

62

Лука Телезе (р. 1970) и Никола Порро (р. 1969) – известные итальянские журналисты и телеобозреватели.

63

Энрико Летта (р. 1966) – итальянский политик.

64

ANSA (L'Agenzia Nazionale Stampa Associata) – Национальное агентство Ассошиэйтед Пресс, основанное в 1945 году.

65

Хорхе Марио Бергольо (р. 1936) – римский папа Франциск.

66

Речь идет о нашумевшем в Италии убийстве в городе Брембате-ди-Сопра тринадцатилетней девочки Яры Гамбарисио в 2010 году. По результатам теста ДНК был арестован местный каменщик Джузеппе Боссетти, который, как установило следствие, не был сыном человека, которого всю жизнь считал своим отцом. В 2016 году Боссетти был приговорен к пожизненному заключению.

67

Злорадство (нем.).

68

Ганс Георг Гадамер (1900–2002) – немецкий философ, ученик М. Хайдеггера.

69

Мел Гибсон (р. 1956) – австралийский и американский актер, режиссер. Речь идет о его фильме «Страсти Христовы» (2004), в котором очень реалистично представлены физические страдания Христа.

70

Чезаре Ломброзо (1835–1909) – итальянский врач-психиатр, прославившийся книгой «Гениальность и помешательство» (1863).

71

Джордж Клуни (р. 1961) и Николь Кидман (р. 1967) – известные голливудские звезды.

72

Цит. по: Альдо Палаццески. Кодекс Перела. Противоболь. Поэзия / Пер. А. Ямпольской. М.: Река Времен, 2016.

73

Уильям Форд Гибсон (р. 1948) – американский писатель-фантаст.

74

Имена суть божества (лат.).

75

Донна Харауэй (р. 1944) – американский философ, одна из основоположниц киберфеминизма, автор эссе «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х» (1985) и многочисленных работ по эпистемологии и квир-теории.

76

Эмилио Сальгари (1862–1911) – знаменитый итальянский писатель, автор исторических и приключенческих романов.

77

Оливер Уэнделл Холмс – младший (1841–1935) – американский юрист.

78

Хорошо весьма (лат.).

79

Проект Il Grande Dizionario della Lingua Italiana был основан итальянским филологом Сальваторе Баттальяй (1904–1971) в 1961 году. Издание словаря (21 том) было завершено лишь в 2002 году.

80

Tommaso N. Dizionario dei sinonimi della lingua italiana. Nuova edizione riveduta et augmentata da G. Rigutini. Milano, 1850.

81

Томмазо Падоа-Скьоппа (1940–2010) – итальянский банкир и государственный деятель, министр экономики и финансов Италии (2006–2008).

82

Альдо Моро (1916–1978) – итальянский политик, председатель Совета министров Италии в 1963–1968 и 1974–1976 годах, убитый «Красными бригадами»; Альчиде Де Гаспери (1881–1954) – итальянский христианско-демократический политик, премьер-министр Италии в 1945–1953 годах; Пьетро Бадольо (1871–1956) – итальянский политик, премьер-министр, который принял власть над страной после свержения Муссолини в 1943 году, объявил нейтралитет и вывел Италию из Второй мировой войны.

«Поход на Рим» (итал. *Marcia su Roma*) – марш Национальной фашистской партии 27–30 октября 1922 года во главе с Бенито Муссолини, который позже, вопреки Альбертинскому статуту, был назначен премьер-министром Италии.

Луиджи Факта (1861–1930) – итальянский политик и государственный деятель, который был последним председателем Совета министров Италии до насильственного захвата государственной власти фашистами под руководством Бенито Муссолини, в результате «Похода на Рим»; Урбано Раттацци (1808–1873) и Франческо Криспи (1818–1901) – итальянские политики и государственные деятели.

Quo vadis? – роман польского писателя Генрика Сенкевича (1846–1916), изданный в 1896 году. В русском переводе роман известен под названием «Камо грядеши».

Графиня ди Кастильоне (1837–1899) – знаменитая куртизанка и фотомодель.

Элиза ди Ривомброза – персонаж итальянского исторического телесериала 2003 года.

88

Джеймс Брук (1803–1868) – первый раджа Саравака с 1841 по 1868 год из династии Белых раджей.

89

Берсальеры (итал. Bersaglieri, от bersaglio – «мишень») – стрелки в итальянской армии, особый род войск, элитные высококомобильные пехотные части, созданные в 1836 году.

90

Вероятно, речь идет о сатанинской группе «Звери сатаны» (итал. Bestie di Satana), действовавшей в Италии и совершившей ряд жестоких убийств в 1998–2004 годах.

91

Колебание голоса (лат.).

92

«Гиены» (итал. Le Iene) – сатирическая развлекательная программа, которая выходит на итальянском телевидении (Italia 1) с 1997 года.

93

Альдо Моро (1916–1978) – итальянский политик, председатель Совета министров Италии в 1963–1968 и 1974–1976 годах, убитый «Красными бригадами».

94

Джованни Джентиле (1875–1944) – итальянский философ, который был председателем совета по образованию в правительстве Б. Муссолини (1926–1928); Мариастелла Джельмини (р. 1973) – итальянский юрист и политик, министр образования, университетов и научных исследований в четвертом правительстве С. Берлускони (2008–2011).

95

Нино Биксио (1821–1873) – военачальник и политик, участник Рисорджименто и сподвижник Дж. Гарибальди.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/umberto-eko/zaklyatie-satany-hroniki-tekuchego-obschestva>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)